

ПИСЬМА А. М. БАКУНИНА К Н. А. ЛЬВОВУ

Публикация Л. Г. Агамалян

История взаимоотношений А. М. Бакунина (1768—1854) и Н. А. Львова (1751—1803) в общих чертах известна. Кроме родства,¹ их связывали тесные дружеские отношения. Свое воплощение эта дружба нашла и в архитектуре усадьбы Бакуниных Премухино, и в стихах, посвященных Львовым Бакунину и Бакуниным Львову.² Степень близости этих отношений становится еще более очевидной в результате прочтения новых документов, хранящихся в РО ИРЛИ (ф. 16).

Я имею в виду ранее упоминавшиеся исследователями, но не прочитанные и не опубликованные «Письма к N»,³ первое из которых помечено автором: «К Н.А.Л.», что может быть расшифровано как «К Николаю Александровичу Львову». Поскольку следующие письма развивают обозначенные в первом темы и содержат ссылки на предыдущие, весь комплекс следует озаглавить «Письма к Н. А. Л[ьвову]». Рукопись представляет собой две тетради в 1/4 листа серо-голубой бумаги с водяным знаком «1804». В тетрадях 46 листов, исписанных с двух сторон. Четыре из 7 пронумерованных писем озаглавлены А. М. Бакуниным: «О садах», «О климате», «О том же», «О народом характере». Затем автор возвращается к первым письмам, обозначая дополнения к их текстам следующим образом: «Письмо второе», «Письмо которое, не знаю», «Продолжение первого письма», «Письмо второе», «Письмо которое, не знаю», «Письмо, не знаю которое» и наконец — «Отрывок письма, которого не знаю».

Место создания писем — Премухино. Время, судя по бумаге, — не ранее 1804 г. Оснований предполагать значительный перерыв в написании писем нет. Все они написаны одинаковым — четким, мелким почерком, соотносимым с почерком ранних писем и сочинений А. М. Бакунина. Таким почерком написан проект «Условие помещика с крестьянином», датирующийся 1802—1803 гг.⁴ Письма богаты биографическими подробностями. Между тем, Бакунин ни разу не упоминает свою службу по выборам: с 1805 г. он становится сначала Новоторжским уездным, а затем Тверским губернским предводителем дворянства. В записях 1810 г. появляется план «отделки Прямухина и окрестностей»⁵ и, в частности, устройства усадебного сада. Намечая план будущих садовых строений, Бакунин среди прочего пишет: «На выдавшемся холмике построить беседку по нарочно сделанному рисунку Николая Александровича и посвятить его памяти».⁶ Во время создания «Писем к Н. А. Львову» Бакунин был весьма далек от садовых проектов, о чем свидетельствует содержание письма первого «О садах» (л. 1—4) и его продолжения (л. 29 об.—30).

Скорее всего время написания всего комплекса — 1804 год. Значительная правка отдельных писем, судя по почерку и чернилам, относится к тому же времени. На полях часто встречаются значки «NB» и короткие замечания, написанные карандашом и по старой орфографии — с ерами. Возможно, это пометки А. А. Корнилова или кого-то из семьи Бакуниных, разбиравшего архив Александра Михайловича после его смерти. При публикации мы сочли нужным указывать эти пометки в подстрочных примечаниях.

Адресат Бакунина — Николай Александрович Львов умер в декабре 1803 года. Следовательно, Бакунин пишет в вечность. Вполне возможно, что исходным импульсом было реальное, но не дошедшее до нас письмо Львова к Бакунину о саде, а возможно и не одно — а целая переписка. Во всяком случае, в первом письме «О садах» присутствие адресата наиболее ощутимо. Бакунин начинает так: «Благодарю вас за письмо ваше и усердно прошу о продолжении дружеских наставлений <...> [Вы требуете, чтобы я взамен писал к вам о земледелии и я согласен волю вашу исполнить].⁷ <...> Вы удивлялись, что я возвращаюсь из чужих краев, живу почти без выезда в деревне, а не разведу сада и тем лишаюсь приятного от сельских трудов отдохновения. Я [всегда одинаково отвечал вам] отвечал вам, что не имею сада для того, что не в состоянии иметь хорошего, а дурного не хочу» (л. 1). Возможно, письма являются продолжением устных бесед Бакунина с Львовым: так, на мой взгляд, может быть истолкован вычеркнутый фрагмент последней фразы: «Я [всегда одинаково отвечал вам]...» Возможно, непосредственным импульсом явилась сама смерть Львова и потребность выразить свои чувства и мысли, адресуясь к близкому человеку. Письма к умершему другу — своеобразный вариант столь популярных в XVIII в. сочинений в жанре «разговора в царстве мертвых». В то же время, это свидетельство еще не прервавшейся духовной связи и возможность неспешно договорить недосказанное при жизни собеседника.

Начало второго письма уже не содержит никакого обращения к адресату. В третьем — обращение «вы» имеет значение множественного числа, иногда дополняется сочетанием «милостивые государи», местами текст обретает явные признаки публицистики и утрачивает черты частного дружеского письма: «Но кто сказал вам, милостивые государи, что италианцы снимают по три сена с дурной земли?» (л. 7 об.). В четвертом и пятом письмах автор только в конце вспоминает о жанре своего сочинения: «Я пишу, пишу, а от вас писем не получаю» (л. 14 об.). В дальнейшем Бакунин свободно переходит от обращения к одному — конкретному — лицу к обращению ко множеству неопределенных лиц, с которыми он находится в состоянии спора. Завершающий рукопись «Отрывок письма, которого не знаю» вовсе утрачивает всякие формальные признаки эпистолярного жанра.

Содержание писем обнаруживает наличие особой тематической программы, которая нашла частичное отражение в незавершенном оглавлении: «А — О садах»; «В — О климате», «С — О том же», «D — О народном характере». Письма содержат воспоминания и размышления о европейских впечатлениях автора,⁸ рассуждения о современной философии, о просвещении, о русской и европейской культуре, о жизни русского крестьянина, подтверждаемые яркими бытовыми зарисовками.

Композиция «Писем» не была продумана заранее. По-видимому, написав первые четыре письма, Бакунин делает оглавление, помечая их буквами латинского алфавита. Следующие два письма — 5 и 6 — тоже о народном характере. Седьмое письмо является естественным продолжением письма 6-го, наполненного воспоминаниями о европейских событиях, предшествовавших Великой Французской революции, и размышлениями о подготовившей ее философии европейского Просвещения. Оно могло бы быть озаглавлено «О просвещении». Письмо почти не содержит правки. В основе его — текст письма Бакунина к А. Н. Оленину, написанного в январе 1803 г. и ото-

сланного адресату.⁹ Затем появляется «Письмо второе», а письмо под литерой «С» меняет порядковый номер, становясь третьим. Раздвинув, таким образом, письма 1 («О садах») и 3 («О климате»), второе письмо продолжает начатую уже в первом крестьянскую тему — сквозную и едва ли не важнейшую тему всего сочинения. Многие положения письма повторяют и развивают мысли Бакунина, изложенные им в проекте «Условие помещика с крестьянином», завершеном в январе 1803 г. и отосланном в Петербург к А. Н. Оленину. Продуманность формулировок, ясная завершенность мысли дает повод первому читателю писем безошибочно заподозрить здесь некое практическое руководство для помещиков: «Это и был, вероятно, зародыш той конституции, от которой взбунтовались премухинские крестьяне», — пишет А. А. Корнилов на полях, ставя рядом значок «NB».

Следующее письмо не имеет номера даже в сознании автора и обозначено как «Письмо, которое не знаю». Придерживаясь стиля заглавий Бакунина, его можно озаглавить «О природе». Оно посвящено проблеме всеобщей чувствительности природы. Это, возможно, самое поэтичное из писем. В то же время здесь особенно ощутима рука ученого-профессионала, естествознателя: в 1789 г. в Падуанском университете Бакунин защитил диссертацию по гельминтологии на латинском языке и получил звание доктора философии.¹⁰ Его познания в физике и ботанике были весьма основательны. К этим наукам он имел, как сам замечает, «пристрастие», а описи премухинской библиотеки содержат перечни книг по математике, химии, астрономии на немецком и французском языках. Однако вопросы натурфилософии, как и проблемы эстетики (письмо «О садах») занимают А. М. Бакунина постольку, поскольку они связаны с социальными проблемами российской действительности, и конкретнее — с крестьянским вопросом. Рассуждение о душе растений переходит в размышление о душе крестьянина, что весьма характерно для русского просветителя: «Не только чувствуют растения, но и крепостные люди. <...> Борода и серые кафтаны не прелятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения...» (л. 28 об.). Эта старая истина, по едкому замечанию автора, столь основательно забыта, что ее «возобновление почти изобретением назваться может».

Разорванность звеньев цепи «помещик-крестьяне» более всего тревожит Бакунина. Отсюда ощущение непримиримого внутреннего противоречия эстетического и этического аспектов, пронизывающее письмо «О садах», к которому автор возвращается спустя восемь писем, чтобы договорить недосказанное. Возможно и скорее всего, значительная правка первого письма связана с повторным к нему обращением. Письмо разрастается и, может быть, поэтому автор просто вычеркивает целые абзацы. Вычеркнутое Бакуниным, тем не менее, представляет интерес для читателя и исследователя, так что при публикации представляется возможным воспроизвести авторские купюры в квадратных скобках. Во всех остальных письмах автор либо ищет более точное слово, вписывая его поверх зачеркнутого, либо густо вымарывает строки, заполняя промежутки между ними новыми. Правка, таким образом, осуществляется одновременно с написанием текста.

Вернувшись к первому письму, к удручающему контрасту господских садов и крестьянских изб, Бакунин вновь заводит речь о порядках ведения хозяйства в России, доказывая, что «не климат, а бесплодие пошвы, не народные навыки виновны в плохом нашем хозяйстве». «Я смело скажу, — пишет Бакунин, — что пока благосостояние поселян будет нам казаться чуждым от нашего, все науки, все познания плода не принесут, — или и принесут — но не все плоды здоровы». Причины убыточности нашего хозяйства, по мнению автора писем, — в пустой расточительности помещиков, в поверхностности их просвещения, в безалаберном землепользовании. Ясные, простые рекомендации в этой сфере необходимы и помещикам и крестьянам. Предпоследнее, не имеющее номера письмо — развернутая похвала русскому крес-

тьянству и народной науке, основанной на вековых традициях и естественной связи с окружающей природой.

Рукопись завершается письмом, затрагивающим совершенно новую тему. Оно воспроизводит разговор автора с одним из сельских священников, однако большая часть письма — монолог последнего о традиционно тяжелом пути и унижительном положении сельского приходского священника, вынуждающих его к корыстолюбию или пьянству. Письмо не закончено. Обозначив его, как «Отрывок письма, которого не знаю», Бакунин, с одной стороны, расширяет круг затрагиваемых тем, с другой стороны, углубляет главную проблему всего сочинения: бедственного положения земледельцев в России.

Таким образом, содержание — наличие сквозной темы, известной программы; форма — письма не имеют обращения по имени к адресату, а содержат слово-обращение «вы» (адресат, правда, не вымышленный, но уже и не вполне реальный); композиция (она еще не оформилась, но, безусловно, автор придавал ей большое значение) — повествование логически последовательное, «а не дружеская *causerie* о многом, обо всем»;¹¹ использование ранее написанных текстов (письмо к А. Н. Оленину, «Условие помещика с крестьянином»), сам характер рукописи (возвращение к уже написанным письмам, изменение их нумерации, правка) — все это убеждает нас в том, что перед нами особое литературное сочинение, жанр которого может быть определен как философские письма — жанр, столь любимый просветителями.¹²

Как уже отмечали исследователи, во второй половине XVIII в. в литературу все чаще вторгаются «явления внехудожественные. Порожденный бытом и в то же время оторвавшийся от него, документ активно вмешивается в литературный процесс ... преобразовывая традиционную жанровую систему и создавая новые формы».¹³ Такую роль сыграло во второй половине XVIII в. органически связанное с дворянской культурой дружеское письмо.

«Письма к Н. А. Львову» представляют собой опыт литературного текста в духе «Письма к другу, жительствующему в Тобольске» А. Н. Радищева, где эпистолярная форма — чистая условность, а особую значимость приобретают **отсутствующие** «признаки действительно написанного частного письма».¹⁴ По удачному определению А. И. Старцева, это — «открытое письмо».¹⁵ В таком роде написаны «Письма к приятелю» М. Данилова и В. А. Левшина.¹⁶ Изданные отдельными брошюрами, эти письма провинциальных помещиков содержат рассуждения о бессмертии души (Левшин), о памяти, «о бесконечности элементов, о сердечном чувстве и о душевных силах», «о разуме животной твари...» и т. д. (Данилов) и являются выражением определенной культурной традиции. Примечательно сделанное М. Даниловым в конце сочинения (а В. А. Левшин делает это неоднократно) указание на то, что письма «писаны не для адресата». Универсальность формы позволяла создавать в эпистолярной манере политико-экономические и философские трактаты («Письмо о Китайском торге» и «О человеке, о его смертности и бессмертии» А. Н. Радищева;¹⁷ «Письма из Торжка» И. П. Пнина¹⁸ и др.).

В письмах к умершему другу проявляется присущая А. М. Бакунину склонность к философствованию, стремление осмыслить окружающую действительность и свое место в ней. Хотя после возвращения из Италии прошло уже 14 лет, итальянские и европейские в целом впечатления составляют фон, на который накладываются и от которого отталкиваются картины российской жизни. Кроме того — письма содержат важную информацию биографического характера — об итальянском периоде жизни Бакунина и о гатчинском, что, безусловно, также связано с личностью адресата: как и Бакунин, Львов жил в Италии и работал в Гатчине. Из писем мы узнаем о том, кто оказал наибольшее влияние на Бакунина

во время его пребывания в Италии. Своим другом и учителем Бакунин называет аббата Васко (Giambattista, 1733—1796), доктора права, известного также своими работами по естествознанию и политической экономии. Вполне возможно, что идеи свободной хлебной торговли и преимущества земледелия перед всеми иными видами деятельности, отстаиваемые Бакуниным в его проекте «Условие помещика с крестьянином» и обнаруживающие явное сходство с идеями физиократов, были им усвоены под влиянием аббата Васко еще в Турине. Однако влияние аббата не ограничилось сферой науки. В письме «О народном характере», вступая в спор с французскими просветителями о русском национальном характере и, в частности, о невежестве как определяющем признаке русского народа, Бакунин опирается на авторитет Васко и записывает его пространное рассуждение о распространенных среди иностранцев предубеждениях. Возможно, многолетнее знакомство с аббатом Васко сыграло свою роль и в формировании политических убеждений молодого Бакунина, которому, как становится ясно из «Письма 6-го», в ранней юности не был чужд исторический оптимизм и характерная для просветительских убеждений вера в общественный прогресс.

Столь же примечательны новые сведения о гатчинском периоде жизни А. М. Бакунина, который продлился около полугода. Как пишет Бакунин, император «из сельского уединения почти невольно перезвал» его в Гатчину. В Гатчине он «сделал Каскад в Сильвии», спроектированный Львовым. Речь идет, видимо, о производстве работ по строительству этого не дошедшего до нас сложного сооружения, которым в качестве советника городского правления, отвечавшего за городские и дворцовые постройки, руководил Бакунин. По тону письма можно предположить, что обстоятельства последней отставки Бакунина были более драматичны, чем принято считать, что со службой в Гатчине были связаны некоторые надежды, «внушенные дружбою Г<осударя>» и оказавшиеся «пустыми». Возможно, что и «Эпистола к Бакунину из Павловского», написанная Львовым в 1797 г. (год службы Бакунина в Гатчине) связана с намечавшейся отставкой Бакунина.

Письма носят полемический характер. Однако это полемика не только и не столько с обозначенным адресатом. Спор с Львовым о садах разрешается в первом же письме: авторитет друга и собственное чувство не позволяют Бакунину долго упорствовать. Но полемическая интонация сохраняется до конца сочинения. Полемика касается вечной и сегодня особенно актуальной темы: Россия и Европа, Россия в восприятии европейцев и европейское просвещение в России. Главный пафос этой полемики — отрицание европейских предубеждений, или предрассудков в отношении России, утверждение самоценности русской культуры, достоинств русского национального характера, в первую очередь — русского крестьянина.

В то же время, искусство Италии, ее древности, роскошная природа, теплый климат по возвращении на родину составляли выгодный контраст с российской действительностью. Несмотря на весь свой патриотизм, Бакунин не мог не ощущать уныния. Эти чувства отразились в письме «О садах», в котором находит развитие сформулированное Руссо «противопоставление красоты и правды, царящих в природе, неправде человеческого общества» (Лотман).

Отдельно хочется отметить замечательный русский язык «Писем», точность выражений, меткость характеристик, простоту и ясность слога, свободные переходы от легкой разговорной интонации к торжественному стилю, поэтическому, образному письму.

Подробное изучение «Писем» А. М. Бакунина к Н. А. Львову впереди. Их значение исследователям еще предстоит оценить. Однако уже сейчас можно говорить об интереснейшем памятнике русской дворянской культуры.

«Письма к Н. А. Львову» публикуются по автографу, хранящемуся в РО ИРЛИ (ф. 16, оп. 2, № 6). При публикации орфография и синтаксис приведены в соответствии с современными нормами, за исключением случаев, отражающих особенности произношения.

¹ Н. А. Львов начал свою службу в Иностранной коллегии при поддержке и под началом дяди А. М. Бакунина — тайного советника, члена Коллегии иностранных дел Петра Васильевича Бакунина (1730—1786), в доме которого вскоре стал домашним человеком и где, по-видимому, познакомился со своей будущей женой — Марией Алексеевной Дьяковой. Мать А. М. Бакунина, Любовь Петровна, рожденная княжна Мышецкая, приходилась ей родной теткой. См.: *Глузов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980; Письма М. Н. Муравьева / Публ. Л. И. Кулаковой, В. А. Западова // Письма русский писателей XVIII века. Л., 1980.*

² См. публикацию К. Ю. Лаппо-Данилевского «Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову» в наст. изд.

³ Такое название письма получили в архивной описи.

⁴ По семейной легенде, Бакунин попытался воплотить свой проект в жизнь, однако крестьяне не приняли «конституции» и «даже возмутились против нее, как против новшества, вероятно, весьма мало считавшегося с укладом их быта». См. *Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915. С. 9; Агамалян Л. Г. Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культуролог. наук. СПб., 1998.*

⁵ Центральный государственный архив Российской Федерации, ф. 825, оп. 3, ед. хр. 259. Далее: ЦГАРФ.

⁶ Там же. Л. 67 об.

⁷ Слова, приведенные в квадратных скобках, зачеркнуты Бакуниным.

⁸ А. М. Бакунин, по указанию А. А. Корнилова, с девятилетнего возраста жил в Италии. В Россию он вернулся в 1790 г.

⁹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ф. 542, оп. 1, № 168, л. 6 об.—10 об. Далее: РНБ. См.: *Агамалян Л. Г. Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. С. 9—10.*

¹⁰ См.: *Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 7.*

¹¹ *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 74.*

¹² Эту форму начали разрабатывать французские просветители: Монтескье («Персидские письма»), Вольтер («Философские письма») и т. д. Она была, безусловно, хорошо знакома Бакунину. В описи премухинской библиотеки, составленной ее хозяином, находим также «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

¹³ *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра. С. 72.* См. ее же: Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

¹⁴ Современники не воспринимали «Письмо» Радищева как факт реальной переписки. См. об этом: *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра. С. 73.*

¹⁵ *Старцев А. И. Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 186.*

¹⁶ *Данилов М. Письма к приятелю, содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи. М., 1783; Левшин В. А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона. Писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З. М., 1788.*

¹⁷ Связь манеры, в которой написан трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», с традицией «философских писем» впервые отметил Г. А. Гуковский. См.: *Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3-х т. М.; Л., 1938—1952. Т. 2. С. 375.*

¹⁸ Традиция имела продолжение в XIX в.: ср. декабристы, П. Я. Чаадаев «Философические письма», А. И. Герцен «Письма о природе» и др.

А. М. Бакунин

ПИСЬМА К Н.

Оглавление писем

А — О садах.

В — О климате.

С — О том же.

Д — О народн[ом] характере.¹

(Л. 1.). Письмо 1. К Н. А. Л.

А.

Благодарю вас за письмо ваше² и усердно прошу о продолжении дружеских [ваших] наставлений [чтоб и я от одного начала без конца не попал в число полуученых, которые уже и в святой Руси многих добрых людей сбили с толку распространением изнаношенных своих понятий. Не имея дара ловить на полете,]. Я держусь странного, может быть, но [кажется мне] полезного иногда правила: иногда лучше знать мало да хорошо, чем много и худо. [Как] Сведения мои в художествах весьма ограничены, то и советы ваши должны быть соответственны понятиям [земледельца] не упрямого, но мало понятного ученика [готового при каждом почти слове спросить: что пользы?].

[Вы требуете, чтобы я взамен писал к вам о земледелии, и я согласен волю вашу исполнить, но дайте мне слово остерегать меня, как скоро я занесу дичь, — да не овладеет и мною болезнь выдавать только себя за умницу, включая в число Невегласов всех добрых людей, называющих сумбур сумбуrom.]

Я внимателен к вашим советам буду, но] Не ждите от меня той [слепой веры и послушности, которая многих наставников избавляет от затруднительных вопросов; взаимные возражения и примечания полезнее] глухой сговорчивости, которая на все без разбору соглашается.

Вы удивлялись, что я возвратясь из чужих краев,³ живу почти без выезда в деревне, а не разведу сада и тем лишаюсь (л. 1 об.) приятного [и полезного] от сельских трудов отдохновения. Я [всегда одинаково отвечал вам] отвечал вам, что не имею сада для того, что не в состоянии иметь хорошего, а дурного не хочу. Вы обещались [мне опровергнуть мое предубеждение и] доказать мне, [что земледелие и садовое искусство родные братья или сестры (как кому полюбится), что они не во вражде, но взаимно полезны и что

¹ Оглавление написано на второй странице обложки.

² Письмо Н. А. Львова неизвестно.

³ А. М. Бакунин возвратился из Европы в марте 1790 г. К моменту создания «Писем» он жил в Премухино около 15 лет.

человек среднего достатка может и должен иметь лучший сад, нежели богач] что скромной поселянин, [живущий почти в кумовстве] коротко знакомый с природою, удобнее может, согласясь с нею собственным чувством, [буде оно от наливок не съезжилось] иметь хороший сад, нежели богач, который, за все деньгами отсыпаясь, гнет [и куму нашу] ее в три погибели.

Вы сдержали свое слово, теперь и я должен оправдаться. [Вы уже слово сдержали, и я в оправдание прежнего упрямства и по самолюбию обязан объяснить вам, почему я не любил садов до того, что мне досадно было, когда называл кто садом плодovitую мою рощицу.

Я жил в Италии несколько лет, вы сами несколько раз в ней были,⁴ вам также как и мне знакомы Тивольский и Тернский водопады, Фраскатские сады, Естенский загородный дом, Боромеевы острова, прекрасные окрестности Неаполя.⁵ Вы согласитесь со мною, что не искусству, а природе обязана Италия красотою сих волшебных мест, что искусство не только ее не усовершенствовало, но, елико возможно было, задавило! (л. 2) Вы согласитесь, что все приятство итальянских садов зависит от щастливости климата и местоположения, от роскоши и разнообразности растений и от изящных остатков древности. Приятно в знойный день укрыться за лавровою ширмою, хотя столь же прилично лавровому дереву вырастать ширмою, как человеку быть копною. Приятно окунуть руки и лицо в студеную воду, из какого бы мраморного урода она ни струилась. Наконец, древняя ваза или статуя невольно займет умеющего различать в ней эпоху возрождения, усовершенствования и падения художеств. Прохаживаясь в саду, на развалинах дворца римских императоров выросшем, или сидя в огороде на обломке огромного обелиска, не садом займешься, не огородом, но картиною сил, изнеможения, просвещения, невежества, доблести и хищности, попеременно в свете восстающих, и позабудешь себя в быстром вращении веков, исчезнешь в океане мимошедших времен. — Хорошо что вы меня остерегли, виноват, я бы и не весть куда забрался!

⁴ Итальянский дневник Н. А. Львова указывает на двукратное пребывание Н. А. Львова в Италии. См.: *Nikolai A. L'vov. Italienisches Tagebuch. Ital'janskij dnevnik / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij. Köln; Weimar; Wien, 1998.* Письмо А. М. Бакунина является еще одним тому подтверждением. Возможно, первое посещение Италии Львовым относится к 1777 г.

⁵ *Тивольский и Тернский водопады* — известные водопады на реке Тевероне в Тиволи неподалеку от Рима; *Фраскатские сады* — сады принадлежавшей роду Боргезе виллы Альдобрандини во Фраскати — городе, расположенном в нескольких километрах к юго-востоку от Рима; летнее местопребывание жителей Рима, очень популярное у туристов; *Естенский загородный дом* — вилла D'Este — знаменитая своим великолепием загородная резиденция кардинала Ипполита д'Эсте, построенная в Тиволи по планам архитектора и археолога Пирро Лигорио в 1549 г.; в XVIII в. была заброшена. Расположена в очень живописной местности. По словам путешественников, самое интересное в вилле являет собою сад; *Боромеевы острова* — 4 небольшие скалистые острова на Лаго-Маджоре в провинции Навара. Названы по имени представителей миланского рода Боромео, которые в XVII в. обработали от природы дикие острова, насыпав землю, и превратили их в прекрасные южные сады с роскошными палаццо.

Теперь, оставя вазы, статуи, дворцы и обелиски со всем громом веков и времен, возвратимся к садам. Посудите, каковы показались мне по возвращении в Россию наши регулярные сады. Исковерканное, но русское название уже не предупреждало меня в их пользу. Что ж сталося со мною, как я их увидел!] Стриженные сады не нравились мне и в счастливом климате.⁶ Посудите же, каковы показались мне наши. Черные, колкие и неподвижные ели стеновые, липы шапочками и грибами, березы как версты согласились лишать гуляющих утешительных солнечных лучей в нашем строгом климате. Темные заплесневелые аллеи, никогда свежим воздухом не (л. 2 об.) проницаемые, казались погребными коридорами [более для летучих мышей, нежели для людей приятными], а уродливые под именем статуй [расставленные] болваны — пугалами, ни мало не нужными в сих [садах] менее на сады нежели на] кладбищах вкуса и природы [схожих].

[Вьюрчатые или так называемые] Мнимые наши аглицкие сады [не более меня прельстили] не прельщали меня [видел я] и [в чужих краях такие нелепости] в Италии. При мне в загородном доме Боргези под Римом⁷ разводился [новый] такой сад под руководством пейзажиста Моора.⁸ на горке насыпной выкопано было озерцо, посреди коего на зеленеюще[мся]яся [ребячьем островку] в виде острова кучке [белела] поставили мраморную Эскулапову статую.⁹ Замысловатая выдумка! оросить подножие бога здравия гнилою водою, в коей плавало несколько диких с подстриженными крыльями уток [не по избранию, а потому что у них крылья подстрижены были]. Береговой каменный шиш [силящийся изобразить], изображающий гору, из коего лился бедной каскад, резко отделялся от

⁶ Отношение Бакунина к регулярным садам совпадает с мнением Н. А. Львова, писавшего, о «разорительном скилетре» симметрии, «из ножиц состоящем, которыми она, изуродовав мирты, пальмы, даже самый кипарис, превращала деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполнила сады наши зелеными уродами» (Львов Н. А. Каким образом должно было бы расположить сад князя Безбородки в Москве. (Проект парка Безбородко в Москве) // Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн; Санкт-Петербург, 1994. С. 316).

⁷ Вилла Боргезе основана в XVII в. кардиналом Шимоне Кафарелли Боргезе. Расположена в очень живописной местности.

⁸ «План парка виллы Боргезе является предметом обширной дискуссии. — пишет Эдит Вартон (Edit Wharton). — ...Сегодня парк с его романтическими рощами зонтичных пиний, палубовыми аллеями, озером и амфитеатром, искусственными руинами и маленькими постройками, разбросанными по зеленым холмам представляет собой английский парк, спланированный в конце 18 века. Герр Цукерман (Tucker mann), убеждающий, что парк — работа Джованни Фонтана, видит в последнем родоначальника английских и немецких «сентиментальных» ландшафтных парков с их эрмитажами, мавзолеями и храмами Дружбы; но Персье и Фонтен, чей план парка, как известно, лег в основу выводов Цукермана, утверждают, что территория была значительно изменена в 1789 г. Якобом Моором, английским пейзажистом (landscape gardener), и Пьетро Кампорези из Рима» (см.: *Wharton Edit Newbold. Italian villas and their gardens. New-York, 1976.* Репринтное издание книги 1904 г.). Таким образом, письмо А. М. Бакунина, описывающее события 1789 г., — уникальное указание очевидца на авторство английского пейзажного архитектора Якоба Моора, имени которого нет не только ни в одной энциклопедии, в том числе и в *Britanckой*, но и в специальном исследовании об английских пейзажных архитекторах (*Hadfield Miles. Gardening in Britain. London, 1962.*)

⁹ Речь идет о фонтане Эскулапа или храме Эскулапа — достопримечательности виллы Боргезе, упоминаемой всеми путешественниками и путеводителями.

синевы небесной [как черный силуэт от белой бумаги]. Берег, на коем господин Моор разрешился сим водяным уродцем, бывал некогда возвышенным укреплением древнего Рима. [Я любил однако тут гулять.] Рим во всем великолепии не в дальнем расстоянии по холмам и долинам развивался, и хотя один колоссальный купол церкви Святого Петра уничтожал все вероподобие Моорова порождения, я, любуясь отдаленными предметами, забывал всю (л. 3) нечеловечность ближайших.

Увы! Встретили меня и в отечестве вьюрчатые сады. Печальная ель [угрюмая] и сосна, скушная повторением [своим] береза [ими обладали, ветер выл, колебля] единообразн[ую]ая [их] зелень, порхающие стаями грачи и вороны [стаями гнездились в их ветвях и карканьем своим оглушали], мох вместо дерну [устилал землю под мрачным и непроходимым их соплетением] и витые дорожки, лужи и погреба под именем озер и гротов. Признаюсь вам, что сады сии вместо примирения [меня] с нашим климатом усугубляли в мыслях моих его суровость. [В Москве видел я аглицкий сад] В Москве увидел я за решеткою [на двадцати саженьях] горы, моря, леса, дебри и не весть что на двадцати саженьях.¹⁰ [и гадов всех частей света. Я догадывался, что весь сад куплен в Ниренбергской лавке,¹¹ но фонтаны заставили меня искать их истока. Вода, трудною работою лошадьми и людьми накачиваемая из глубокого колодца, доказала мне, что сад сей был делом слова — рече и бысть — и] Масштаб создания соответствовал уму создателя — [жалко мне было, что власть его не только на лошадей, но и на людей простиралась.]

Искал я в окрестностях столиц других садов [которые бы не коробили ни природы, ни рассудка], но [что ж] везде почти нашел те же змейчатые [никуда не ведущие] дорожки [как червоточина в углу пне; лабиринфы, подобие раскинутой на мух паутины, заражающие воздух] и лужи под именем озер, даже на берегах прекрасной Невы, между прочим в одной даче белых на острове медведей, которые с зверским мычаньем порывались на [прохаживающихся] мимоходящих и легко могли от неосторожности, столь нам обычной, порвав цепи, многих несчастных сделать жертвою сего новоизобретенного садового украшения (л. 3 об.); копани и ямы в виде гротов и пещер, убранные слюдою, стеклярусом, разбитыми стеклами, ракушками и набитыми соломою пустынными; мостики, по которым перебираясь должно подвергаться опасности сломить шею или утонуть в грязи; кой где красивые иноземные кусты, кои неутешными казались о своем переселении. Словом, при отчуждении всех природных приятств, нашел я совокупление всех местных и неместных недостатков. Знатки уверяли [меня, что так и должно], что [садовая] красота садов бывает двоякая: в совершенном противоречии природы или в рабском ей подражании [и заключается или в рабском подражании природы

¹⁰ Возможно, реминисценция из Делиля. Ср.: «Нельзя на маленьком пространстве в узкой рамке, // Все сразу поместить — беседки, гроты, замки, // Часовни, пагоды...» (Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 26).

¹¹ Ниренбергские лавки — лавки в Москве и на Невском проспекте в Петербурге; торговали всемирно известными деревянными, металлическими, роговыми, бронзовыми изделиями, а также игрушками и забавами из Нюринберга.

или в побежденной трудности вопреки ей. По вашему, возражал я, художник, изваявший образ Венеры, ошибся, не избрав себе образцом растрепанной и замаранной волочайки, каких в природе много, или обвешанной лоскутками цыганки, которой и наряд, и поступь природе противоречат? Знаток смеялись моему невежеству, а я на них и на сады сердился, и, по общей привычке сердитых, думал, что я прав. Я удивлялся их премудрости, они смеялись моему невежеству.¹²

(Л. 29 об.). Продолжение первого письма.

[По мере как советы ваши меня обвиняли] Теперь, прочитав письмо ваше [я походил на слепого, которому зрение возвращается искусною рукою.], признаюсь в слепоте моей, я [так же как и многие, смотрел и не видел, или лутче сказать] не знал, отчего, гуляя в поле, в лесу, здесь [мне] было весело, а там скушно, здесь я останавливался, а там проходил с поспешностью, отчего [иногда] любовался [я восхищался] в некотором расстоянии [таким] предметом, которого вся красота, приближаясь [по приближении моем], исчезала. Теперь я [понимаю] все это понимаю [вижу, как можно ту же картину различным образом видеть, чувствую, что есть и в природе, и в художествах гармония или взаимное соотношение предметов, в которое надобно вникнуть, чтоб приобресть дар видеть красоты, от глаз невежества скрыты. Теперь вижу, что сама природа шепнула Гонзаге¹³ искусство театральных декораций, что и хижина и храм, и дворец и гумно, и водопад и мельница, и фонтан и водопой могут равно приличностью своего помещения восхищать зрение.] Искусство [Но признаюсь вам, что] садов [искусство] кажется мне [теперь весьма] еще затруднительным. Не мудрено [конечно] посадить дерево, [куст] сотню [оных], но истинный только художник, исчисля наперед действие оттенков зелени, особенный каждого дерева и куста характер в разных расстояниях, при разных расположениях, может составить (л. 30) волшебную картину из ничего не значащих предметов [та же декорация должна, так сказать, изменяться при каждом шаге зрителя и новые неожиданные обманутым его глазам являть красоты. Церковь Св. Петра от многих посредственных художников за то похваляется, что будто при входе в нее меньшею кажется, нежели в самом деле есть. А мне кажется, что цель искусного садовника, напротив того, учетверить, если можно, сад в глазах зрителей, ибо теснота предметов некоторым образом и душу стесняет]. Мы все садовники — но и суздальцы живописцы.¹⁴

[Затрудняет меня обширность художественной части садового искусства, но] Стану учиться — и надеюсь успеть. Первым учителем

¹² На полях авторская пометка: «Смотри продолжение первого письма».

¹³ *Гонзага Пьетро-Готтардо* — декоратор, работавший с 1792 г. в Петербурге, мастер перспективы; почетный вольный общник императорской Академии художеств, автор планировки парка в Павловске. Умер в Петербурге в 1831 г.

¹⁴ Суздальская живопись — ремесло писания дешевых и потому весьма распространенных среди простого народа икон. Существовала в Суздале и соседних уездах Владимирской губернии с давних времен. Падение искусства иконописи в XVIII в. породило целые фабрики, производившие огромное число дешевых икон для сел и провинциальных городов.

моим будет дружба, вторым природа. Nella Scuola d'amor che non s'apprenda — написал Тассо.¹⁵

[Стану учиться и надеюсь выучиться. Вкус наш, или душевное ощущение изящного живее становится по мере правильности наших понятий о истинной красоте, так же как чувства грубеют в недействии, а деятельностью утончаются. Ощущенье же истинной красоты приобретается, ваше письмо меня в этом уверило, исследованием действия видимых и воображаемых предметов над нами.¹⁶

Сколь ни прекрасна лазурь небес, зелень лесов, прозрачность вод, наскучили б они нам, если бы зелень не оживлялась собственными оттенками и переменным светом, если б небо не отенялось никогда туманами и облаками, естли б ветер не возмущал гладкой поверхности вод; вся природа движется; все движущиеся предметы подвигают душу, а неподвижное (30 об.) рождает в ней уныние. Мы живем и любим жить, а неподвижность принадлежит смерти]. Теперь я постигаю, отчего мне так скушно в стриженном саду, отчего так весело, когда, в лесу гуляя, слышу гул отдаленных голосов, шум упдающих вод и шепот ветра в колеблемых им ветвях. Рассудите же, как я вам благодарен, когда выхожу в поле и [в тех местах, которые уже мне и прискучили] везде вижу или предвижу красоты, столь долго [от меня] сокрытые, [красоты] которые [для меня ежедневно будут] возобновляться для меня будут, пока солнце восходить и к западу склоняться станет [будет], пока ведро последует за ненастьем, тишина за ветром и [пока] каждое время года будет всю природу образоват в новом виде.

[Так точно в саду все предметы должны говорить душе нашей, и сей новый язык, на котором могу с самою природою беседовать, предпочитаю я всем мертвым и живым диалектам.] (л. 3 об.) Чувствую возможность переселить в сад ту свободную приятность, которой свойство есть нигде не наскучить, а что еще более — вижу возможность усовершенствовать и образоват красоту, каждому месту свойственную и природою иногда чуть означенную.

Слыхал я прежде о садах, (л. 4) где искусство одушевляло природу, но знал, что сады те царские, [и что совершенство их большими издержками куплено; в сих мыслях судил я] и думал, простительно ли будет мне [небогатому человеку бросить немалую] употребить большую сумму денег, чтоб натискать три-четыре десятины мишурным приятством? [Теми же деньгами могу я] Не лучше ли осушить несколько верст болота, перестроить [всю] деревню, [вырастить целый] лес — [а теперь гнилое болото, голый пустырь, безобразная деревня уничтожили бы приближенностью своею всю красоту великолепного моего сада, так как одна плохая часть часто портит целую картину]. Стыдись, говорил я себе, стыдись на прихоти проматываться, искать наслажденья в дорого купленных ра-

¹⁵ «В школе любви можно научиться всему» (*итал.*). Происхождение цитаты не установлено. Из писем Г. Р. Державина и В. В. Капниста известно, что А. М. Бакунин работал над переводом «Освобожденного Иерусалима». См. письма Державина к А. М. Бакунину от 30 января 1804 и 28 февраля 1805 г. (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864—1883. Т. 9. С. 322, 325).

¹⁶ Письмо не обнаружено.

достях, которые уже вряд ли и радости, когда столь малое число людей иметь их могут.¹⁷ Обработай земли твои, выстрой деревню, заведи леса и тогда уже думай о садах.

[Иным, а не вам] Мудрено покажется не вам, что я [нахожу] сравниваю сад и деревню [взаимное отношение между садовым искусством и деревенскою постройкою, и я охотно признаюсь, что причин сей связи не умею хорошенько и сам понять, а весьма ее чувствую]. Безобразии [и неурядство] наших деревень [столь] так меня поражает, что [всякий раз как случится мне войти] когда ни войду в мрачное селение, где черные избы и [навислые] дворы [угрожают] грозят падением, где все [некоторым образом] изображает беспечность [лень] и уныние, что-то у меня ляжет на сердце. Пожар, болезни, нищенство [тот час предо мною] в лицах явятся, и [мне по крайней мере час-другой] надобно [прогуляться надобно] в [чистом] поле, чтобы [избавиться сего прискорбного видения]. Прекраснейший сад по мне возле такой деревни был (л. 4 об.) бы [по мне самым] жестокии упреком помещику.

[Помирая меня с садами, научите же меня согласить и деревенскую постройку с моим садом]. Я не хочу, чтобы красивый сад умножил безобразие моей деревни, а хочу, чтобы деревня моя была приманчивым предисловием моего сада.

[Тогда] будет, обещаюсь вам, и у меня сад не стриженный, не вьюрчатый, не аглицкой и не китайский, а будет сад русский. Возможность [все мои леса] образовать мои леса, поля, покосы [исподволь образовать] садом [есть уже для меня предварительное наслаждение] сделает меня садовником. [Я уверен, что от одной мысли сей еще более прилеплюсь к земледелию, которое вообще в худшем еще у нас состоянии, нежели садовое искусство. Одна только деревенская наша постройка образует хозяйство наше в истинном его виде.

Поговорил бы я еще с вами, но вы] Вы устали, читая мое письмо [в котором больше слов, нежели дела]. — Отдохните. Знаю, что [вы руки сложа и отдыхать не умеете] праздность самая тяжелая [для вас] работа. [О естестве бы все земледельцы наши так мыслили, не осталось бы нам и говорить о земледелии, умолкли бы неосновательные посылки на дурной климат и народные навыки, которыми плохой земледелец защищает свои невежества].

Остаюсь преданный вам А.Б.

(Л. 5). Письмо [2-е] Третье.

В.

В русской земле, говорит мне часто добрый швейцар, у меня живущий, семь месяцев зима, два месяца холодно, а там все лето.

¹⁷ Этическая сторона проблемы была сформулирована уже Делилем. В предисловии к своей поэме он писал: «Некоторые особы, в общем весьма почтенные, бросили моей поэме упрек, ... что она написана только для богатей. <...> большая часть моих рецептов имеет целью наиболее удачное использование красот природы и может быть осуществлена скромными средствами...» (*Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 11*).

Тот же швейцарц однако говорит: хорошо жить в русской земле, хотя и холодно, потому что земля добрая, люди добрые. Вам известно, что урийский мой уроженец¹⁸ много работает и читает книги, до дела его только принадлежащие, с пустословствующими же философами он вовсе не знаком и, к счастью бедного нашего отечества, не знает даже, что некогда жил великий мудрец, который неоспоримо доказал, что в студеном климате природа никогда почти не рождает благополучно, а по большей части выкидывает, и для того мы все не люди, а недоноски,¹⁹ что не в давне еще проявился другой мудрец, доказывающий, что природа в России, всегда упражняясь в произведении сального слоя, ограждающего туши от жестокой стужи, вовсе о наших головах позабыла.²⁰ Дерзнут ли усумниться в глубоком заключении глубокого сочинителя глубоких персидских писем, которые наряду с протчими глубокими книгами много способствовали к высокому фонарному просвещению и до-сужному изобретению гильотины? Что я сказал, то я сказал, — говаривал знакомый в Петербурге немец. Что сказал мудрец, то без поворота сказано, — спорить не останеца, а позволено в утешенье свое приметить, что между прочих несовершенств природы рождаются на севере Петры Великие, Густавы,²¹ Линнеи,²² Ломоносовы, и пожелать, чтобы благонамеренная природа защитила каким-нибудь слоем и головы наши от слепой веры к чужеземным софистам.

Предоставим Ла Шапам,²³ Леклеркам,²⁴ полчищу учителей, к стыду нашему, бывших воспитателей знатного нашего юношества,

¹⁸ Уроженец кантона Ури в Швейцарии.

¹⁹ Автор высказывания не установлен.

²⁰ А. М. Бакунин имеет в виду Ш.-Л.Монтескье (1689—1755), «сочинителя глубоких персидских писем», и его знаменитое сочинение «О духе законов» (1748), с которым Бакунин был хорошо знаком, что отразилось в его проекте «Условие помещика с крестьянином». В составе премухинской библиотеки в Государственном архиве Тверской области хранится первый том этой книги в русском переводе: «О существе законов» (СПб., 1801). В описи премухинской библиотеки, составленной А. М. Бакуниным в 1810 г., значатся также и «Письмы персидские» с пометой, означающей «полезное, приятное или забавное чтение». См. ЦГАРФ, ф. 825, № 259, л. 87 об.

²¹ *Густав II Адольф* — король Швеции (с 1611 г.). Его двадцатилетнее царствование — одна из самых блестящих страниц в истории Швеции. Густав Адольф сблизил Швецию с Европой, способствовал поднятию национального духа.

²² *Линней Карл* (1707—1778) — знаменитый шведский естествоиспытатель, автор «*Sistema naturae*» (1735), «королевский ботаник». Ввел точную терминологию в описания растений, животных и минералов, создал систему родов и видов. Его классификация лежит в основе современной научной номенклатуры, хотя исходное положение — о неизменности видов — было опровергнуто дарвинизмом.

²³ *Ла Шап* — Жан Шапп д'Отрош (Chappe d'Auteroche, 1722—1769), аббат, французский астроном, наблюдавший 6 июня 1761 г. по поручению Парижской Академии наук в Тобольске прохождение Венеры мимо Солнца, автор «Путешествия в Сибирь в 1761» (Париж, 1768), содержащего критические отзывы о России. Возмущенная Екатерина II издала в Амстердаме брошюру «*Antidot [ou examen du mauvais livre superbelement imprimé, intitulé „Voyage en Sibérie... par M. l'abbé Chappe d'Auteroche]"*». Брошюра была издана анонимно, но автором ее принято считать Екатерину II. По утверждению А. С. Пушкина, императрица поручила писать «Антидот» Г.Миллеру и И. Н. Болтину. См.: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений*. М.; Л., 1937. Т. 12. С. 424.

²⁴ *Леклерк (Le Clerc) Никола-Габриэль* (1726—1798) — французский медик, писатель, историк России. Был призван в Россию в 1759 г. Елизаветой. Второй период пребывания в России — 1769—1775 г. Почетный член Петербургской Академии наук.

(которых (л. 5 об.) мудрые уроки произрастили уже несколько плодов в нашей нравственности) забавлять просвещенную республику ротозеев рассказами об убивственной нашей стуже, о носгах и пальцах, которые то и дело от нее валяются. Нам самим не случилось ни одного безносого от стужи видеть, а изредка слышали о таких по милости лютой скорби, которой самое название также свидетельствует, что она есть дар наших просветителей. Недавно ругал Россию какой-то господин медик — в - - - -. Не тот ли самый, который, лихась в Москве носа, вкуче с ним потерял и практику? Сей, возвращаясь в отечество, конечно выдает себя за живое свидетельство и безвинного страдальца варварского нашего климата. Беспалых удавалось нам видеть, слышали, что и замерзают люди, но обыкновенно случаи сии постигают пьяных. Но и пьянство, — пишут мудрецы, есть необходимая северных людей страсть — необходимость ее также от студеного климата зависит.²⁵ Действительно, не примечаем ли той же врожденной склонности к крепким напиткам в жителях южной Америки, Африки, новооткрытых островов и пр.? Я не могу судить, потому что в них не был, и не спору, что может быть и у них также холодно, как у нас, но могу уверить, что я пьяных видал и в умеренной Франции, и в теплой Италии, так же как и в России. Если пьянство губительнее в нашем Севере, то сего не должно приписывать (л. 6) врожденной склонности к нему, но убийственным нравов и здоровья действию горячих напитков, кои вместо виноградного вина употребляются. Если б мы под самым горячим по[нрзб.] жили, не избегли бы лаю, или лутче сказать свисту отогретых нами змей. Я читал некогда в французской книге, что в Риме от сильного солнпеку (sic!) в августе месяце всегда несколько человек с ума сходят, что в Венеции летом собаки визжат, перебегая мост Святого Марка, обжигая о мрамор ноги. Я в Венеции не слышал визгу, в Риме знал многих знаменитых художников, а с сумасшедшими не встречался. Но если из двух бед уже необходимо одну избрать должно, то лучше подвергнуться опасности лишиться пальца, нежели ума. Право, кажется, что большая часть тех сочинителей, кои пишут о России, живали в августе месяце в Риме.

Если бы климат наш был нездоровый, сокращающий человеческую жизнь, лишаящий телесных и душевных сил, то можно бы действительно заключить, что у нас отмерзли не носы, не пальцы, а разум, потому что имея южные области, в которых бы уместилась половина наличных жителей всей Европы, добровольно населяем тот отверженный край, где жили наши деды, и единственно потому, что они тут жили. Но не быв Леклерком,²⁶ нельзя предположить, чтобы целый народ без основательных побуждений согласился добровольно себя морозить, и должно заключить, что сильные причины определяют его выбор и противодействуют в разуме

Автор «Истории древней и новой России...» (1783—1784), вызвавшей ожесточенную критику И. Н. Болтина.

²⁵ Возможно, вновь намек на Монтескье. В холодных землях, пишет философ, «климат, кажется, принуждает к некоторому народному пьянству...» (*Монтескье Ш.-Л. О существе законов. СПб., 1809. Кн. 14, гл. X. С. 228.*)

²⁶ См. прим. 24.

его прелестям и примане приятнейшего небосклона. (л. 6 об.) Причины сии явственны из ежегодных списков рожденных и умерших в Европе: долгожизненность видится принадлежностью Севера. Сия, по мнению г-на Гуфелинда,²⁷ не иное что как кошелек с деньгами, каждому человеку при рождении данный. Кто издержал, тот и банкрот, а кто скупится, жалеет каждой копейки, у того и деньги долго ведутся, — т[о] е[сть] тот живет, кто не живет. Но мне как жителю деревенскому позволено будет думать, что долгожизненность зависит от крепости души и тела — а от сих что не зависит?

Климат русский не может казаться несносным русскому человеку, когда он сносен добровольно живущим с нами чужестранцам, когда он сносен даже италиянским виртуозам, когда знаменитый Сартти,²⁸ избрав Россию отечеством, предпочел ее своей родимой Италии, хотя и в ней ценили его дарования. Заклучим же, что и наш климат здоров и сносен — и, наконец, скажем, приравливаясь к правилам самого Монтезкью, что природа хотела кажется из нас особливой народ сделать, ибо, лиша всех лакомств, расслабляющих душу и тело, щедро наделила нас всем полезным, и с тем спасительным условием, чтоб мы все трудом своим выручали.

Но я примечаю, что вы озябли, читая мое письмо, и для того кончу, уверяя вас в моей преданности.

(Л. 7.). Письмо 3-ье.

С.

Вольно Новгородскому летописцу рассказывать нам, что предки наши славяне, пролетая еко орли остро крылатии вселенную и нигде обретше места, благоприятна к вселению по сердцу своему, дошедше наконец озера Великаго, поселились на его берегах за 2415 лет до рождества Христова.²⁹ Или летописец жлет, или плохи были наши предки, избрав добровольно страну печальную, хладную и скудную. Хуже избрать невозможно было. Наш-то край подлинно тот, на который упало проклятие небесное: «проклята земля в делах твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего; егда делаеши землю и не приложить силы своея дати тебе».³⁰

В самом деле — нет у нас лимонных и апельсинных деревьев в садах, вместо ананасов растет у нас лапушник, не собираем мы с полей наших сахарных тростей, хлопчатой бумаги и сарачинского пшена,³¹ не вьется виноград по нашим березам, не прядут черви на нас шелку, нет у нас ни землетрясений, ни гремучих змей, ни жел-

²⁷ *Гуфелию (Hufeland) Христофор Вильгельм* (1762—1836) — знаменитый немецкий врач, автор известного сочинения «Искусство продления человеческой жизни» (в издании 1805 г. — «Макробиотика»).

²⁸ *Сартти Джузеппе* (1729—1802) — итальянский композитор, с 1784 г. служивший в Петербурге и возглавлявший придворную оперу. Н. А. Львов был с ним знаком.

²⁹ Определить источник цитаты не удалось. Возможно, фраза скопирована из текстов разных летописей.

³⁰ Ветхий завет, Книга Бытия, гл. 3, стих 17; гл. 4, стих 12.

³¹ Древнее русское название риса.

тых лихорадок, ни гнилого воздуха, ничего нет, кроме хлеба, кроме скота, кроме леса, кроме пеньки, кроме льну, кроме меду и воску и подобных мелочей, которых, конечно, нельзя равнять с малагою, с черносливом, изюмом и коринкою. Уверяют некоторые, что могли бы и мы приказать в Южной России винограду виться, червям пряться, но все это не здесь, не у нас — а здесь мучься, работай, едва (л. 7 об.) насыщенный хлеб каторжною работою достанешь. Молчу — и признаюсь побежденным.

Я долго жил в Италии и видел, что земледелец нередко снимает два хлеба с одного поля, что тутовые деревья разведением шелковых червей дают ему за малые труды немалую прибыль, что фрукты — лакомство наших вельмож — обыкновенная закуска тамошних поселян, что сено косят на одном лугу раза по три и пр. Но не позволено ли будет мне различить в сих выгодах принадлежащие трудолюбию от даруемых климатом? Прилежные ломбардцы косят луга свои действительно три раза, но и мы в садах наших не косим ли травы раза по три? Мудреное, скажут, сравнение! Можно ли садовую землю равнять с полевой? Но кто сказал вам, милостивые государи, что италианцы снимают по три сена с дурной земли? Я вам доложу, что они ежегодно свои сенокосы удобряют, с крайним тщанием приводят каналами воду и орошают их; строят даже для подъему воды на высокую пошву машины — и не дивитесь — виноград астраханский, который вы изволили кушать в Москве и Петербурге, не видал, может быть, ни одной капли воды, кроме той, которая крайними трудами посредством машин из Волги бежит на крутояр. Досужеству людей все возможным становится, испытайте (л. 8) и вы луга ваши удобрить, обработать, то, конечно, согласитесь, что съем прекрасной травы не в воле климата, а в вашей.

В Италии снимают по два хлеба, а у нас и один часто незрелает. Правда. Но скажите, пожалуйста, не все ли равно взять разом сто рублей, что в два по пятидесяти? Если все равно, то и выгода двух жатв мнимая. Урожай всегда соответствен доброте земли. Мера ее доброты в ваших руках, то и урожай от вас зависит. Не повторение нужно, а изобилие жатвы. У меня (простите поселянину грубый пример, могущий оскорбить нежность городских ушей) корова мало молока давала, а доили ее по два раза в день. Я приказал доить ее по четыре раза в день, молока не прибавило. Приказал лутче кормить, и в два удоа более молока, чем в четыре стало. Я заключил, что изобилие не от числа удоев, а от лутчего корма зависело.

Не ты ли нам сказал, что шелковые черви приносят немалый доход? Я и не отпираюсь, а примечу только, что лен и пенька, которых в Италии по малоземелью почти не сеют, столь же прибыльные русскому земледельцу, как шелк — италианскому. Можно ли равнять пеньку и лен с шелком? Весьма можно, несмотря на то, что один продается фунтами, а те пудами, потому что за одним фунтом шелку ходьбы и работы столько же, сколько за несколькими пудами льну и пеньки, в обработке же и весовая разница исчезнет: аршин тонкого батиста дороже лутчей шелковой материи.

Выходит на поверку, что земледельческие выгоды италианцев перед нами заключаются в изобилии фруктов и вина, но дорого, (л. 8 об.) дорого платят они за сии выгоды. Вскользь упомяну, что

жители, коих главный промысел виноград, по большей части бедны, что недород и перерод равно по миру пускают, что естели у нас часто вымерзают яблони и вишни, то в теплых климатах вымерзают лимонные, масляные и другие деревья и что гибель сия разорительна, например, в Провансе, где составляет главный доход жителей, а мы, кроме неудовольствия, от траты садов наших убытков не терпим. Сии неудобствы я еще не почитаю за главные, но часто в южных странах реки и ручьи от продолжительной засухи иссыхают, хлеб и травы выгорают, люди и скот изнемогают, лето вдруг превращается в печальную зиму, насекомые умножаются, деревья стоят иногда не только обнажены плодов, но и листу, страшный град опустошает целые уезды, обдирает кору с дерев, умерщвляет скот, втаптывает хлеб и траву в землю, так что иногда целая округа вновь вспаханною кажется. Сего недовольно. Земледелец, убрав хлеб свой с полей, не всех еще избег опасностей. Насекомое, по счастью нам мало известное (*circulio gnapagius*), нападает на хлеб в житницах, съедает все мучное вещество, оставляя плеву невредимою. Бедный поселянин идет к своему закрому и находит (л. 9) мякину вместо того хлеба, который долженствовал пропитать все его семейство. Согласимся же, что наш край не проклятый, не отверженный, что природа на верных весах измерила выгоды и невыгоды каждого края, и даже осмелимся сказать, что она сама в некоторой от нас зависимости.

В Ломбардии тучный скот пасется по зеленым пажитям, поля покрываются богатыми жатвами, природа улыбается в лугах, в полях, на лице самих жителей (кроме тех, которые сеют сарачинское пшено). Генуесцы, прилепясь к торговле, отстали от земледелия, и хлеб у соседей покупают, отчего и внутреннее их благосостояние от соседей зависимо. Швейцария в каменных своих скалах избилывала своим трудолюбием (до разбойничьего французов нашествия). В таких же скалах Делфината³² и Савои³³ нищенство с нуждою голод свой утоляло черствым гречишным хлебом. Тоскана уподобляется цветущему саду, окрестности Рима, древле столь плодородные, столь населенные, лежат ныне печальною степью, и гнилой воздух сокращает бедственную жизнь ленивых поселян.

Вечные англинские туманы, конечно, не благоприятствовали земледелию. Англия, ныне столь цветущая, была некогда пустыня, болотами, дебрями, лесами и мглою покрытая. Земледелие возмогло в ней укротить и климат, и нравы жителей, ибо, если верить Юлию Кесарю, Англия в его время не многим лучше нашей Сибири была.³⁴

Мог бы я умножить еще число примеров в доказательство зависимости успешного земледелия от трудолюбия, а не (л. 9 об.) климата, но боюсь вам наскучить. Скажу только, что я не согласен

³² *Делфинат* — Дофинэ (Dauphinais) — прежняя французская провинция в Кас- тильских Альпах с центром в Гренобле. В числе главных произведений труда — зерновой хлеб.

³³ *Савоия* — провинция в отрогах Альп, с 1720 по 1861 г. входила в состав Сардинского королевства. Гористая поверхность препятствовала земледелию, так что своего хлеба для населения было недостаточно.

³⁴ Юлий Цезарь первым дал более или менее полное описание Британии, ее климата, географического положения и т.п. в пятой книге «Галльской войны» (*De bello gallico*).

с теми, которые предлагают нам в образец Лифляндию, одинаковую климатом с нами, и отнюдь ее примером доброго земледелия не приемлю,³⁵ потому что винокурение в Лифляндском хозяйстве есть идол, которому все на жертву приносится.

Извинение ли нам наш студеный, но здоровый климат? Изнемогла ли природа там, где растит мачтовые леса? Где родит народ мужественный, трудолюбивый, предприимчивый?

Но [нрзб.] вы не изнеможете от скуки — на сей раз полно — простите.

(Л. 10). Письмо 4-е.

D.

Мудрец Гельвеций боялся, чтобы мы не погрязли опять в невежестве.³⁶ Мудрец Монтескью сказал, что русского ободрать надобно, чтобы его заставить чувствовать. Мудрецу Руссо вероисповедание наше казалось нелепым.³⁷ Мудрец Вольтер, любя нас, сочинял для нас молитвы чудотворцу Николаю.³⁸ Мудрец Фридрих назвал Петра Великого крепкою водкою, а нас железом.³⁹ Мудрец Кондильяк пропел предлинное поучение Петру же Великому, доказывая ему, что он все на опоко сделал.⁴⁰ Мудрец Билфиллд приметил, что Петр Великий худо разумел пользы своих подданных.⁴¹

³⁵ С 1804 г. крестьяне в Лифляндии получили личную независимость, не получив земли. Для Бакунина безземельная свобода крестьян была неприемлема. В то же время, западные губернии славились винокурением, которое лишь в конце XIX в. стало вытесняться в Лифляндии молочным производством.

³⁶ *Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771) — французский философ, автор «*Livre de l'esprit*» (Книга о разуме) (1758). Бакунин имеет в виду следующее место из «*Rassуждения III*»: «Знаменитый царь Петр, может быть, ничего не сделал для своего народа: он должен был предвидеть, что за великим человеком редко следует другой великий человек, что так как он не изменил ничего в устройстве империи, то благодаря самой форме правления, русские вскоре опять могут упасть в варварство, из которого он начал извлекать их» (*Гельвеций*. Об уме. М., 1938. С. 224).

³⁷ По-видимому, речь идет об «Общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо.

³⁸ О чем речь, неизвестно.

³⁹ *Фридрих II Великий* (1712—1786) — прусский король-философ, автор философских, политических и исторических сочинений. Бакунин имеет в виду письмо Фридриха II к Вольтеру от 13 ноября 1737 г., где Фридрих сравнивает роль Петра по отношению к русской нации с воздействием азотной кислоты на железо. Переписка Фридриха II с Вольтером была издана в XVIII в. См.: *Lettres du roi de Prusse et de m. de Voltair // Correspondance du roi de Prusse*. S.I. et s.a. [1789]. Т. 4.

⁴⁰ *Кондильяк Этьен-Бонно* (1715—1780) — аббат, французский философ-просветитель, писал, что Петр I, прежде чем думать о развитии торговли, должен был поднять земледелие; что слишком тесное сближение с европейскими странами, испорченными дурным правлением, навредило России; что замена стрельцов гвардией не ослабила деспотизма и произвола в России. См.: *Oeuvres de Condillac*. Cours d'études Histoire moderne. Paris, 1798. Т. 6.

⁴¹ *Билфельд (Bielfeld) Якоб Фридрих, барон де* (1716—1770) — немецкий публицист, автор опубликованных на французском языке «*Политических наставлений*» («*Institutions politiques*», 1760) в двух частях, которые вскоре появились в русском переводе кн. Федора Шаховского и проф. Антона Барсова с посвящением Екатерине II. См.: *Наставления политические Барона Билфелда*. М., 1768—1775. Ч. 1—2. В премухинской библиотеке имелись две части «*Institutions politiques*». См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 36, список книг на французском языке.

Мелкотравчатые мудрецы постарались после и ныне за нашу хлеб-соль доказать нам и Европе возвестить, что мы народ грубый, суеверный, свирепый, распутный, ослушный, лживый, коварный, хищный, пьяный, ленивый, пужливый и подлый.

Случилось мне однажды упрекать доброго и почтенного француза всеми нелепостями, которые соотичи его при нас пишут. Признаясь, говорил я ему, что тебе за них стыдно. — Неприятно, — отвечал он мне, — а стыдиться за других не вижу причины — тем более, что вы сами подаете повод к таким злоречиям, описывая добрых ваших поселян при всяком случае самыми отвратительнейшими красками. Я спорил, что этого никогда не бывало, а что если и удавалось когда французу слышать в русском доме что непохвальное или видеть непохвальный поступок, то, (л. 10 об.) во-первых, не подлежало по малому числу уродливых образцов судить о целой нации, во-вторых, не надлежало изменять законом гостеприимства и, как говорят наши крестьяне, сор из избы выметать. — Но вы сами его выметаєте, — говорил мой француз смеючись. — Общество, у вас учрежденное для пользы земледелия, всему свету печатными словами обнародовало, что во многих местах русской земли поселяне сварливы, упрямы, злонаравны, ленивы, непонятны, грубы, своенравны, завидливы, мстительны, лукавы, неблагодарны, непредприимчивы, беспечны, суеверны и что добром и ласкою, без страха, принуждения и грозы ничего сделать из них не можно. Томов тридцать трудов Вольного Экономического общества⁴² с заметками лежало на столе к моему обличению, и что мне оставалось делать, как только спросить француза: неужели имеет он слабоумие всему дрязгу этому верить, и довольствоваться его ответом, что нет, потому что он и сам уже русских людей несколько знает и в той же книге читал, что русские поселяне прилежны, трудолюбивы, простосердечны, тихи, понятны и благонравны.

И это русские помещики, думал я, писали про своих крестьян. Ну естли б и те грамотеи были, что-то бы они про помещиков написали. Тогда, которому ни поверь, — все беда, ибо поселяне и помещики суть равно — (л. 11) неотделимые части одного и того же народа, итак, голова ли, ноги ли у молодца свихнуты, все он же изуродован.

Признаюсь вам, что грустно мне стало и что я утешиться мог только заключа, что все добродетели и все пороки без изъятия, как все болезни и все степени здоровья, равно принадлежат природе человеческой. И что, вопреки всех философических, климатических, физиологических и политических рассуждений, пороки никак и никогда не могут быть отличительною принадлежностью целого народа, что из разных карактеристических описаний разных народов основательнее можно заключить о предубеждениях писателя, нежели о свойстве описываемого им народа.

Чего ближе собственного примера? Я так наслышан был о глупости, лености, злости, упрямстве бедных чухонцев,⁴³ что досадовал на Ломоносова, доказавшего, что чухонцы суть потомки тех ски-

⁴² Вольное Экономическое общество было основано в 1765 г.

⁴³ Чухонцы — народное название финских племен карельского происхождения, живших в окрестностях Петербурга, в Шлиссельбургском и Царскосельском уездах.

фов, которые некогда обладали не малою частью Европы, Азии и даже Африки, которых мужество и нравственность восхваляемы были в Древней Греции, которые сами мудрецов своих имели.⁴⁴ Анахарсис⁴⁵ — чухонец! Может ли быть? Когда, по кончине Екатерины Великой стечение обстоятельств вручило мне на несколько времени участь чухонцев Гатчинского уезда,⁴⁶ я думал, что я с ними пропаду, что принужден буду прибегать к самым крутым средствам, по примеру моих предшественников, но вместо того вскоре нашел, что они были понятны, прилежны, тихи и послушны. Одним добрым словом (л. 11 об.) все сделать из них было можно — они у меня и строили, и плотничали, и работали наряду с лутчими наемными работниками, с ними вместе сделал я в Сильвии Каскад.⁴⁷ И, наконец, когда я расстался с Гатчином, они почти плакали, со мною прощаясь. Знаю, что чухонских слез ни в каком романе поместить не можно, но знаю, что привязанность их ко мне вознаградила некоторым образом все пустые надежды, внушенные мне дружбою Г.,⁴⁸ когда он из сельского уединения почти невольно перезвал меня в Гатчино!

Кажется, что еще никто не кончил письма чухонскою чувствительностью,⁴⁹ и потому позвольте мне на сей раз, уверив вас в искренней дружбе моей, быть —

(Л. 12). Письмо 5-ое.

Стечение обстоятельств может, конечно, воздействовать над целым народом; злые или добрые примеры повторением своим исказить или исправить его нравственность, сделать его наклонным

---

⁴⁴ А. М. Бакунин имеет в виду «Древнюю Российскую историю» М. В. Ломоносова, в первой части которой «О России прежде Рурика» автор пространно рассуждает о происхождении российского народа.

⁴⁵ Анахарсис — скиф из царского рода, жил в VI в. до н. э., изучал греческие обычаи, уклад жизни и культуру. Сохранилось собрание из 10 писем, приписываемых Анахарсису и датированных III в. до н. э.

⁴⁶ Согласно высочайше утвержденному докладу генерал-майора Оболянинова, 12 января 1797 г. в Гатчине было учреждено Городовое правление, делившееся на камерную и счетную экспедиции. В ведении камерной части и возглавлявшего ее советника находились «экономика казенная и крестьянская, фабрики, заводы и дела по апелляции на Ратушу, строении по Дворцу и городу, слобод, посадов и деревень, дабы по плану и фасаду строений исполнялось» (Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 24. № 17.725. (Далее: ПСЗ с указанием тома и номера). В 1797 г. А. М. Бакунин был назначен советником Гатчинского городского правления. См. также письмо А. М. Бакунина к А. Х. Бенкендорфу (РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 24, л. 9 об.).

⁴⁷ Один из самых характерных декоративных мотивов романтического парка, мост-руина с каскадом, как бы естественно образовавшимся при обвале гранитных камней и валунов, а также с «водным театром» «Наумахией» в парке Сильвия в Гатчине был спроектирован Н. А. Львовым. Не сохранился.

⁴⁸ Имеется в виду император Павел I.

⁴⁹ Избрание в качестве примера распространенного предрассудка о чухонцах представляется нам своеобразной репликой на стихотворения Н. А. Львова «Ночь в чухонской избе на пустыре» (1797) и «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня».

к злу или к добру, но сии обстоятельства, определяющие моральные и физические его привычки, ни мало не образуют национального характера. Что ж такое характер национальный, спросите вы меня?

Во-первых, должно, вопреки общего предрассудка, признать характер и просвещение за вещи совершенно разные. Весьма добрый человек во всех отношениях подданного, гражданина и семьянина может быть весьма несведущ. Скифы, о которых я упомянул в прежнем письме, по признанию тех же греков, которые, означая их невежество, звали их варварами, служили образцом всех гражданских и семейных добродетелей. Неоспоримо, что просвещение полезно, но без нравственности просвещенный человек может быть министром коварным (Некер⁵⁰), гражданином злым (Мирабо-сын⁵¹), семьянином жестоким (Мирабо-отец⁵²), человеком развратным Аретин⁵³. Напротив, Минин и князь Пожарский по-французски не говорили, бород не брили, может быть, и грамотеи небольшие были, но сие не воспрепятствовало им быть истинными героями и спасителями отечества.

Что ж такое национальный характер, — спросите вы опять? — В том же семействе встречаем человека упрямого и человека рассудительного, догадливого и тупого, доброго и злого, воздержного и развратного. Характер (л. 12 об.) каждого из них есть то нравственное свойство, которым они взаимно отличаются, хотя под одной кровлею и одинакими обстоятельствами и примерами воспитаны были. Как же определить купной характер сего семейства? Весьма не трудно. Если число благосмыслящих превосходит число порочных, то порочные принуждены воздерживаться, стыдиться и принаравливаться к общему мнению, — и характер такого семейства есть добрый. Если в другом семействе на похвальбу

---

⁵⁰ *Некер Жак* — французский государственный деятель (1732—1804), директор финансов (с 1776 г.) и управляющий финансами (с 1788 г.) при Людовике XVI, проводил политику облегчения государственных финансов путем заимствований; за 5 лет правления сделал долгов на 500 млн. ливров. Чрезвычайно тщеславный человек, Некер считал себя финансовым гением. Отец госпожи де Сталь. Говоря о коварстве Некера, Бакунин, вероятно, имеет в виду его отказ явиться 23 июня 1789 г. на королевское заседание, собравшееся для отмены решений третьего сословия (Национального собрания). Последовавшая за этим отставка Некера и приказ покинуть Францию послужили поводом к восстанию 12, 13 и 14 июля. Сочинение Некера «De la révolution française» (1796) имелось в премухинской библиотеке (См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 36).

⁵¹ *Оноре-Габриэль-Рикетти, граф Мирабо* (1749—1791) — автор «Декларации прав гражданина». Один из выдающихся деятелей Великой французской революции. В начале революционных событий оказывал за деньги услуги королю, одновременно, согласно своим убеждениям, часто действовал против короля и роялистов.

⁵² *Виктор-Рекетти Мирабо* (1715—1789) — выдающийся французский экономист-физиократ. Женившись по расчету, долгие годы вел скандальные процессы против своей жены и сына, во время которых использовал одно из самых возмутительных учреждений феодальной Франции — «Lettres de cachet», приказы, снабженные королевской печатью, которыми неугодное лицо отправлялось в Бастилию даже без объявления вины.

⁵³ *Аретин* — Пьетро Аретин (1492—1557), итальянский сатирик, поэт, автор произведений скабрезного содержания, а также знаменитой, многократно перенздаваемой книжки «La puttana errante, overo Dialogo di Maddalena et Giulia», с описанием и изображением 38 эротических поз.

выказывается ухарство, развратство и тому подобное и естли похвальба сия не есть гибельный плод несчастливых обстоятельств, род отчаянного мщения претерпенным или терпимых бедствий — характер такого семейства есть самый дурной. Естли помещики, съехавшись, станут друг перед другом на хвостовство рассказывать, сколько рекрутов или девок продали, то неоспоримо, что характер их никуда не годный. Естли другие станут, напротив, укорять таковыми поступками, то заключить можно с похвалою об их характере.

Были у нас в России запорожцы, были, признаться должно, и лихие помещики, но благодаря Екатерину Великую, запорожцев совсем нет,⁵⁴ а лихих помещиков осталось не много.⁵⁵ Но они еще есть, и долг не только господ мудрецов, (л. 13) которые сами не последнее лихо рода человеческого, но всякого благонамеренного россиянина обнажать всю их гнусность, дабы общее презрение поспешило искоренить нечестивую их породу. Должно обнаруживать сии гноющие струпы, остатки долговременных болезней, коими одержимо было наше отечество, но обнаруживать их не на поругание только или расстройство, а для излечения или по меньшей мере для того, чтобы общественное здоровье предохранить от потаенной заразы.

Жид добрым делом почитает христианина обмануть, но должно помнить, что жиды с христианами в войне, сильная сторона нападает явным презрением, слабая отомщает плутнями.

Впротчем, в целой Европе, не исключая и самой Турции, убийцы, воры, грабители, развратные наказываются или законами или общественным презрением. Благодетели награждаются общественным уважением. В сем случае глас народа подлинно есть глас Божий, и сие презрение злых, уважение добрых неоспоримо доказывает нам, что постыдные пороки не могут без насильных причин быть отличительною чертою ни единого из европейских народов, ибо естли не врожденная склонность, то личная даже польза там, где явные пороки или преступления не (л. 13 об.) пролагают путей к почестям и отличиям, велит каждому, буде не иметь, то по крайней мере заимствовать те качества, которые люди, по мнению Гельвеция,⁵⁶ согласились назвать добродетелью.

⁵⁴ Манифест об уничтожении Запорожского войска, объявлявший об обращении запорожцев в поселян, был издан 5 августа 1775 г.

⁵⁵ По-видимому, Бакунин имеет в виду 256 статью Наказа Екатерины II, гласящую: «Петр Первый узаконил в 1722 году, чтобы безумные и подданных своих мучающие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последняя для чего без действия осталася, не известно». На нее как на «соизволение закона» он ссылался в «Условии помещика с крестьянином», оговаривая наказание для помещика за несоблюдение условий договора. См.: *Агамалзи Л. Г. Трактат А. М. Бакунина «Условие помещика с крестьянином» и Наказ Екатерины II // Российская культура глазами молодых ученых. Сб. трудов. СПб., 1998. Вып. 6. С. 52—59; она же. А. М. Бакунин и его проект «Условие помещика с крестьянином» // Памятники культуры: Новые открытия. 1998. М., 1999. С. 71.*

⁵⁶ Ироничное указание на «*Livre de l'esprit*» Гельвеция, согласно учению которого добродетель — понятие относительное, а определение человеческого поведения как порочного или добродетельного зависит от интереса, ибо все на личном интересе основано: «Своими пороками и добродетелями люди обязаны исключительно различным видоизменениям, которым подвергается личный интерес» (*Гельвеций*. Об уме. С. 34).

Что же есть национальный характер, — повторяете вы, — и как его познать? Признаюсь вам, что для меня задача весьма трудная, но вот мой ответ. Любопытство привлекло множество китайцев на берега канала, коим плыло аглицкое посольство. Корма одного судна под зрителями обрушилась, и многие из них утопать стали. Протчие ни мало об них не заботились. Пустилась одна лодка — не на помощь, а за шляпою одного из утопающих. Если б это случилось в русском городе, многие б, не только б не жалея собственных шляп и кафтанов, но и жизни, побросались бы к ним в воду на помощь. В деревнях наших брат за брата идет охотою в солдаты; (л. 14) поселянин, сам терпя нужду, отдает половину последнего ломтя хлеба нищему; заслуженный солдат по двадцатилетних трудах за величайшее счастье почитает возвратиться в свою родину. Частных добродетелей тысячи примеров и вам и мне и всем нам известны, но дело идет не о личных добродетелях, а о национальном характере, и потому они были бы недоказательны. Скажите мне, есть ли такое селение в русской земле, где бы не было примеров, что жизнь ближнего спасена с опасностью собственной, что брат искупил собою брата, где бы путника не обогрели, голодного не накормили, гостя не угостили, где бы ветеран не почитал счастьем провождать остаток дней своих? Все это не новое, все это мы знаем, все это так обыкновенно, что мы дивиться бы стали, если б где не так было. Коль скоро все это не новое, все это известное, все это обыкновенное, то и задача национального характера русского народа решена. Великодушие, счастье семейное, гостеприимство и любовь отечества — суть основа сего искомого характера, уток же везде и всегда зависим от обстоятельств, обстоятельства зависимы, хотел было сказать от правления, но нет, не всегда правления располагают по воле своей обстоятельствами, а сии напротив часто самолучные намерения в ничто обращают.⁵⁷

(л. 14 об.) Неоспоримо, что мудрость правления (начитавшись мудрецов, как не помудрить) состоит в удалении тех обстоятельств, коих вредное влияние на нравственность народную очевидно, буде вред, могущий быть от потребных на то мер, не превосходит вреда, ими отвращаемого; в предупреждении обстоятельств, могущих вредить со временем, и в ускорении тех, коих польза несомненна. Должно однако домолвить, что сие гораздо легче написать, нежели исполнить, ибо обстоятельства часто идут вопреки всех ожиданий.

Я пишу, пишу, а от вас писем не получаю. Вы мне дали волю — смотрите, чтобы после вам же не пришло каяться...

Остаюсь ваш — .

---

⁵⁷ Возможно, намек на неудавшуюся законодательную акцию Екатерины II или крестьянскую политику Александра I.

(Л. 15). Письмо 6-ое.

Я был в Турине, когда государственные чины по совету слабоумного министра Вержена⁵⁸ и предателя Некера⁵⁹ собирались во Францию.⁶⁰ Все журналы, все частные письма обнаруживали общий восторг, общее надеяние, общее нетерпение озариться необъятною массою света, которая непременно изливается на всю Францию лучи незыблемого благоденствия. И можно ли было ожидать иначе от совокупления просвещеннейших голов всего государства?

Аббат Васко (известный полезными своими сочинениями), друг и учитель мой,⁶¹ спросил меня в доме французского посла Шуазеля, чем, по мнению моему, все это кончится? — Щастьем Франции, — отвечал я. — Ты еще молод, — возразил он, — а я слышал от приятеля моего Денины⁶² слова Фридерика, слышал их еще и прежде от Беккарии,⁶³ что народ, управляемый философами, был бы наимещастливейший — а тут впутались философы, тут впутался Некер, человек, самолюбиво своему всем жертвующий, как Богу, который не устыдился для оправдания своего изменить характеру министра и ужасную ископал пропасть всему государству книгою своею

⁵⁸ *Вержен Шарль Гравье, граф де* (1717—1787) — французский государственный деятель, министр иностранных дел. В 1778 г. способствовал заключению союза с Соединенными Штатами против Англии, в результате чего государственный долг Франции вырос до громадных размеров, так что, будучи противником реформ. Вержен. тем не менее, был вынужден согласиться на созыв нотаблей (Assemblée des a Notables), состоявшийся в 1787 г. в Версале, где был поставлен вопрос о налогообложении, привилегированного сословия.

⁵⁹ См. прим. 50.

⁶⁰ А. М. Бакунин, по-видимому, имеет в виду созыв Генеральных штатов, открывшихся в Версале 5 мая 1789 г. Созыву Генеральных штатов предшествовало появление потока брошюр, воззваний, афиш, жадно читавшихся и обсуждавшихся в ожидании больших перемен.

⁶¹ *Аббат Васко* (Giambattista, 1733—1796) — доктор права, известный также своими работами по естествознанию и политической экономии. В области политэкономии аббат Васко был учеником Тюрго и Адама Смита. Наиболее известные работы Васко в сфере политэкономии, заслужившие ему авторитет среди ученых экономистов его времени, — «О деньгах» («Della moneta» 1772), «Записка о причинах нищеты и средствах к его упразднению» («Memoire sur les causes de la mendicite et sur les moyens de la supprimer», 1788) и «О корпорациях искусств и ремесел» («Delle universita delle arti e mestieri» 1793), а также опубликованное лишь в 1916 г. в записках Туринской Королевской Академии Наук «Политическое исследование о бумажных деньгах» («Saggio politico della carta-moneta», предположительно — 1790).

⁶² *Депина Джакомо-Карло* (1731—1813) — итальянский историк, служивший при дворе Фридриха Великого в Берлине, член Берлинской Академии наук, автор многочисленных сочинений о Греции и Италии, Пруссии и Фридрихе Великом, а также «Russiad'»ы, воспевавшей Петра I.

⁶³ *Беккария Чезаре* (1738—1794) — знаменитый итальянский публицист, доктор права, автор знаменитого трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764), гуманные идеи которого (смягчения наказаний, отмены пыток, суда равных) легли в основу главы X («Об обряде криминального суда») Наказа Екатерины II, а также отразились в «Учреждении о губерниях» 1775 г. Эти идеи были близки А. М. Бакунину и отразились в его проекте «Условие помещика с крестьянином» (1803). См. об этом: *Агамалян Л. Г.* Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина; *Агамалян Л. Г.* Трактат А. М. Бакунина «Условие помещика с крестьянином» и Наказ Екатерины II.

(Comptes rendus).⁶⁴ Ты еще молод, — повторил он мне, — а вот какой будет конец: кто это? — спросил он меня, указывая на портрет Людовика 16-го. — Король французский. — Прибавь, последний, — договорил он.

Подлинно, через несколько времени явились в Турине дюки, конты, виконты, (л. 15 об.) маркизы, прелаты, шевалие, аббаты, кои приветствуясь, взаимно радовались, что не облистал их свет парижских фонарей. Поверите ли вы, что в них на половину философов было? Они довольно громко проповедовали ту философию, которая изгнала их из отечества, пустила по миру. Но нельзя опять им было и не проповедовать в свое оправдание той философии, которая внушила им, избегая личной своей опасности, ослабить сторону доброго своего короля и пустить его на воду, как у нас иногда в народе с теми образами поступают, которые не полюбятся.

В числе сих выходцев был г. абб. Саб—, прежде бывший которого-то французского парламента член, отличавшийся упорным своим прекословием королевской власти и после принужденный однако бежать из Народного собрания, говорун претрашный, немолкный, который немилосердно ругал все правительства и справедливо, поелику ни в одном терпим бы быть не должен. Мне случилось его видеть в доме богатой и пожилой щеголихи, куда все городские философы собирались по субботам обедать. Это было во время войны нашей с турками и с шведами.⁶⁵ Г-н аб<бат> уверял слушателей, что Россия ведет войну деньгами, от Австрии получаемыми, что русские дворяне имеют право живота и смерти над своими (л. 16) крестьянами,⁶⁶ что — и, наконец, узнав из моего противоречия, что я русский, спросил меня по случаю бывшего с шведами сраженья, в самом ли деле с обеих сторон дрались настоящие военные корабли и взят нами шведский корабль? На утвердительный мой ответ подоспел с восклицанием: «Как? Настоящий трехпалубный военный корабль!» и г-н Жаксон, тогда бывший секретарь Аглиц[кого] посольства, а после (как я видел из газет) и в важнейшие должности поступивший. Ему казалось, видно, нестачным, чтобы, кроме англичан, кто мог овладеть военным кораблем.

Вот тебе доказательство, — шептал мне на ухо аббат Васко, — что и в философах, и в дипломатических чинах бывают невежи. Но где их нет? И если бы их не было — беда бы тем, которые наживают деньги и славу трудами своего пера. Кому бы тогда рас-

⁶⁴ «Compte rendu au roi»(1781) — сочинение Неккера, представляющее собой отчет о состоянии финансов во Франции. После его издания Неккер получил отставку.

⁶⁵ Имеются в виду русско-турецкая война 1787—1791 гг. и русско-шведская война 1789—1790 гг.

⁶⁶ Формально помещики не имели права распоряжаться жизнью крестьян. Так, на вопрос Дидро, «какие права и преимущества землевладельцев» в России, Екатерина отвечала, что «на бумаге — никаких нет, кроме права винокурения». но в действительности «они делают в своих поместьях все, что им заблагорассудится, кроме смертной казни, которая им запрещена» (Селевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 209).

сказывать забавные побаски о жителях печуйских, лаосских, тонкинских, каликутских? Писатели хотят славы, денег, а не общественной пользы. Остерегайся, верь более своим глазам и здравому рассудку, нежели сбойливому красноречию нашего века. Народ читателей легковверен, несyt новостей — писатель, угождая ему, чтоб более распродать экземпляров своего творения, изобретает, лжет и клеветает на целые народы без страха и без зазрения совести. Например, мы, италианцы, если верить соседям нашим заальпийцам,⁶⁷ суеверны, невежды, коварны, мстительны, скупы, ревнивы, бешены и распутны. Все сии пороки порознь, конечно, и у нас встречаются, так же, как и во Франции, и в Англии, и в России. (л. 16 об.) Мера пороков везде соответственна мере праздности — чем менее праздных, тем более добрых людей, чем более праздных, тем менее добрых. Праздность развращает нравы людей низших классов, праздность развращает умы высших. Где оба развращения соединятся, там погибель государства почти неизбежна. Но как праздность первого рода общею в государстве сделаться не может, потому что физические потребности и нехотя заставляют большую часть людей работать, то долг мудрого начальства противиться с кроткими, но постоянными мерами развращенности тех людей, которых примеры тем большее влияние имеют на общественную нравственность, чем более уважается их степень, богатство или просвещение. По несчастью во всей Италии, кроме Леопольда,⁶⁸ никто сим не занимался, и оттого праздных, т. е. порочных людей у нас и накопилось. Большие города — сборные места и талантов и пороков, и кто по сим последним заключает о целой нации, доказывает собственную неспособность к познанию первых и сам разглашает, что (л. 17) обращался в самых подлых и развращенных обществах описываемой им страны. Если у вас в России станут судить обо всей Италии по тем колонистам, которые к вам из Ливорны поплыли и всю Тоскану от остальных негодяев очистили, то заключат, что Италия — сток всех пороков. И легко станется, что такое заключение воспоследует, если воспитатели ваши⁶⁹ успели уже и вам привить образ своего суждения. Тебе смешно покажется, когда станут нас упрекать невежеством, потому что ты литературу нашу любишь и лично нас знаешь. Фонтаны, Фаброни, Галвани, Спалланцани, Гвадани (?), Пиньоти, Росси, Алпиони, Вольты, Денины, Чиньи, Брезеты, Калюзы⁷⁰ достаточны доказать, что не только изящные худо-

⁶⁷ Имеются в виду французы.

⁶⁸ *Леопольд II* (1747—1792) — римско-германский император (1790—1792), третий сын Франца I и Марии-Терезии, преемник отца на Тосканском престоле (с 1765 г.). Просвещенный монарх; проводил умеренные, но последовательные реформы. В Тоскане при Леопольде была почти полная свобода печати. Так, в 1764 г. в Ливорно был издан трактат Ч. Беккарини «О преступлениях и наказаниях».

⁶⁹ Т. е. французы.

⁷⁰ *Фонтана Феличе* (1730—1805) — первый директор Физического кабинета (Spicola o Imperiale e Reggio Museo di Fisica e Storia Naturale) во Флоренции, открытого в 1775 г. Н. А. Львов посещал его во время пребывания в Италии в 1781 г. См.: *Nikolaj A. L'vov. Italienisches Tagebuch. Итальянский дневник / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij. Köln; Weimar: Wien, 1998. S. 104. Фаброни Джованни* (1752—1822) друг и соратник Фонтаны, автор сочинений по химии, ботанике, земледелию, экономике, физике и т. д. *Галвани Луиджи* (1737—1798) — знаменитый

жества, но и полезные науки в наше время также цветут в Италии, как и прежде в ней цвели. Есть ли в целой Италии город, не отличающийся или не отличающийся пребыванием изящного художника, знаменитого врача, истинного ученого или полезного сочинителя? Ревнивость италианцев существует только в романах, а на деле никогда не оказывается, по крайней мере ревнивые италианские мужья весьма снисходительны к чичисбеям,⁷¹ прислуживающим их супругам. Суеверия наше (буде есть оно) никогда изуверием не было, не только христиане всех вероисповеданий, но и жидаы, и турки живут у (л. 17 об.) нас спокойно. Нет у нас ни квакеров, ни мартинистов.⁷² Коварными разглашают нас за Сицилийские вечера,⁷³ но где народ, коего летописи не упрекали бы ни в одном постыдном деянии? Коварство же сицилийцев извинительно было, потому что иго мучительства незваных гостей превосходило меры человеческого терпения. Где преступления сделались единственною обороною угнетенных, там более в них виновны угнетатели, нежели угнетенные. Италию растеребили на мелкие части. Невозможность силою отстояться от сильных соседей заставляла часто иметь прибежище к пронырливости. И сию неизбежную по обстоятельствам пронырливость поставили нам в вину. Скупость наша в том, что менее тратим денег на роскошь и на чувственные удовлетворения, чем на поощрение изящных художеств, коих Италия отчеством стала. Где имеют частные люди столь великолепные загородные дома, коллекции картин, статуй или библиотеки, как у нас? <Нрзб. убойства?> не во гнев иностранцам случаются редко, в драках, в пьянстве, а изменяю почти никогда. Ты, живучи несколько лет у нас, боялся ли когда, чтоб тебя ошибкою из-за угла ножом пырнули, как, по рассказам иноземцев, часто случается? Побранятся два неаполитанские лаззарона.⁷⁴ Страсть их изображается в их голосах, словах, телодвижениях; кинжалы блистают в их руках, иноземец, увидев, бежит испуган и спешит уведомить своих соотичей,

---

итальянский анатом и физиолог, открыватель явления гальванизма. *Спалланцани Лаззаро* (1729—1799) — известный итальянский путешественник, натуралист и физик, описавший геологические и естественно-исторические особенности Швейцарии, Турции, Корфу, Кипра, Сицилии, Неаполя, Апеннин. *Алтиони* — возможно, *Альтиони Проспер* (1553—1617) — итальянский врач и профессор ботаники в Падуе. Выдвинул доктрину полового размножения растений, которая легла в основу системы Линнея. *Вольты Александр* (1745—1827) — знаменитый итальянский естествоиспытатель, изобретатель. *Депшиа* — см. прим. 59. *Росси* — кого из многочисленных Росси имеет в виду Бакунин, неясно. Перечень, судя по всему, включает имена современных Бакунину итальянских ученых-естествоиспытателей, часть из которых установить не удалось.

⁷¹ Чичисбей (*cicisbeo*) — в XVI—XVIII в. в Италии лицо, которое дама выбирала себе в спутники для прогулок. Сопровождение супруга при выходе в общественные места считалось дурным тоном.

⁷² Квакеры — основанная в XVII в. английская секта, мистического толка, члены которой утверждали, что слышат божьи откровения и подвержены озарениям.

Мартинисты — основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом мистическая секта, члены которой считали себя способными на сверхъестественные видения.

⁷³ Сицилийская вечерня — кровавое восстание в Сицилии в 1282 г. против французского владычества, поводом для которого послужила обида, нанесенная французским офицером сицилианке в час вечерни 30 марта. Возмущенные палермцы перебили всех французов.

⁷⁴ Лаззарони (*Lazzaroni*) — обозначение низшего класса в Неаполе.

что в Неаполе у него на глазах люди ножами резались — зрители спокойно на них смотрели. Но если б он сам не ушел и дождался конца сцены, увидел бы, что вся гроза громом и блистаньями кончилась, а удару ни одного не было. Он уверился бы тогда, что оба лаззарона могли бы искусными быть актерами, и природные зрители, предугадывающие развязку, не имели причины беспокоиться. Распутства много оттого, что больших городов много, оттого что в больших городах по два, по три и по четыре и более театра, оттого что иностранцев много, но вольно же (л. 18) иностранцам не иметь знакомства, кроме трактиров, где живут, фигуранок, к коим ходят, и подлых женщин, которые сами гостей заывают. Ознакомясь таким образом, должно отказатья от всех порядочных домов, должно, возвратясь домой, лгать и пятнать грязью, в которой сами валялись, тех людей, которые их презирали. Когда ваши предки — народы Севера — наводнили всю Европу, Италия была щитом, сохранившим науки, художества и все полезные познания от конечной погибели; Медицисы⁷⁵ им покровительствовали в то время, когда европейские государственные министры худо имя свое подписать умели. Из сего не следует однако, мой друг, чтоб мы все были философы, все просвещены, все щедры, все великодушны — но опять же и не таковы, какими многие нас почитают, потому что мы не отбраниваемся. Но не стоит труда браниться, когда можно лучше употребить время свое. Не оскорбляйся же и ты нелепыми рассказами о России. Вас обвиняют только в невежестве, нас в коварстве, гишпанцов в гордости, агличан в буйстве, немцов в пьянстве. Вам еще всех менее достается, потому что коварство, гордость, буйство, пьянство — пороки, а невежество только недостаток. Но ты и сего терпеть не хочешь? Приметь же, кто обвиняет вас в невежестве? Те, которых площадной наш шарлатан Иосиф Балсали мог уверить, что он граф Калиостро и чудотворец.⁷⁶ Заключи же, что обвинители сами невежи, что во Франции невежества много, но не заключай опять, чтобы вся Франция была в невежестве.

Не подумайте, чтобы добрый аббат Васко мне все это одним духом (л. 18 об.) проговорил. Друг Беккарии был уже человек молодой, да и не любил говорить вдруг много. Он имел красноречие, но совсем не то, которое столь долго из Парижа всю Европу оглушало. Он был сочинитель, но можно б и несколько лет, быв с ним знакомым, про то не сведать.

Ну, кончил ли ты, братец, — спрашиваете вы меня? На сей раз кончил. — Но что заключить из твоего письма? — Что и в России невежества еще много, но что не вся Россия в невежестве.

Остаюсь ваш покорный —

---

⁷⁵ *Медицисы* — Медичи — знаменитая флорентийская фамилия: в XV в. управляли республикой, приобрели громкую известность покровительством всем направлениям Ренессанса.

⁷⁶ *Иосиф Балсали* — Иосиф Бальзамо, граф Калиостро (1743—1795), знаменитый авантюрист из Ливорно. В Париже пользовался славой великого мага.

Лихо было признаться в невежестве! Станут спрашивать, в котором из государственных сословий просвещения более или менее? В котором? Дайте подумать. Вообще в дворянстве нашем много того, что во всей Европе называется просвещением — особливо в столицах. Одеваются хорошо, иностранными языками иногда лутче собственного говорят, в обращении ловки, вежливы до того, что за неучитное слово дело и до шпага доходит. Учены так, что имена всех наук знают. Столь усердны к службе, что все генералами быть хотят. Щедры, ибо сот по пяти, по тысяче за один вечер в карты проигрывают. Покровители художеств, судя по числу мастеровых, которые к ним по утрам, будто за деньгами, на поклон ходят.

— Говори, пожалуй, без шпыньства. — Я вам без всякого шпыньства описываю то, что большинство голосов Европы называет просвещением. Чего ж вам больше? Бороды мы бреем, всем модам следуем, французский театр любим. — Ну я и слушать перестану. — Не сердитесь. Истинного просвещения не только у нас, но и везде мало, мало оттого, что смысл слова «Просвещение» еще не совершенно определен, а потому и отличительное его свойство мало (л. 19 об.) уважается. Свойство сие, по мнению моему есть: деятельное желание пользы общественной яко собственной своей; а действие оно: общественное благосостояние. Россияне не чужды были сего желаня и в то время, когда все европейцы варварами их называли, но действию оногo воспрепятствовали нещастливые обстояельствы. Благодаря Бога, теперь нет уже никаких препятствий отечественному просвещению или благосостоянию, кроме крапивы, которая местами отрастает от корней бывшей татарщины, и корни сии должно необходимо выполоть, но остерегаясь — по слову писания: вкупе с плевелами не исторгнуть и пшеницы.

Науки и познания, конечно, сугубят счастье просвещенного народа, но в бедствиях они становятся бесполезными, выходят из употребления и теряются, как иглы, когда шить нечего. Не просвещение от наук бывает, а успехи наук от просвещения. Где народ щастливый, (л. 20) погруженный в невежество, или бедствующий, а просвещенный? Франция, скажут иные, но они ошибутся. Число истинно просвещенных людей во Франции не так велико было, как мы думаем, а мишурное просвещение хуже самого невежества. Оно, как театральная добродетель, блесит на сцене, поражает зрителей, но посмотри, что за кулисами делается! Лжепросвещение, попавшее пламенником своим все общественные связи во Франции, скорбя о людских невежествах, покушалось озарить и Германию, и хотя некоторые нового вкуса писатели предуготовляли пути,⁷⁸ но как немцы не стыдились еще почитать своих государей, повиноваться законам и находить счастье в гражданских и семейственных добродетелях, то и покушение не возымело желаемого успеха. Если б возможно было доказать, что народ в невежестве бывает благо-

⁷⁷ В основе текста этого письма — текст письма к А. Н. Оленину (1803 г.) (РНБ, ф. 542, № 168, л. 6 об.—10).

⁷⁸ Писатели немецкого просвещения.

получным, а с просвещением бедствует, то я бы без зазрения совести невежество предпочел просвещению.

Воображение ли, смолоду дивом чудес и страхом привидений расстроенное, излишнее ли надеяние на земных и небесных заступников, уверенность ли наружными обрядами всякую вину загладить, искусство ль пастырей сокращать разум стригомых овец, по примеру поселян, которые путают лошадей своих, всегдашнее ли ожидание небесной манны свыше препятствует истинному просвещению? Я не знаю, но знаю, что католики и протестанты живут в Швейцарии вместе, (л. 20 об.) и что последние и трудолюбивее, и благонравнее, и щастливее, следовательно, и просвещеннее первых.

Не грамота ли просветила разум последователей еретического учения Калвина? Казалось бы так, но грамотеи наши — чухонцы — такие же еретики⁷⁹ — не умнее, не трудолюбивее, не щастливее безграмотных православных наших поселян. Крылошане⁸⁰ наши не бегло ли читают, раскольники не мастерски ли полуустановом⁸¹ пишут? От грамотных подъячих до безграмотных кадиев,⁸² от упрямых раскольников до ученых муфтиев⁸³ сколько (не у нас, а в Сибирском царстве⁸⁴) живых свидетельств, что грамота сама по себе слабая опора разуму человеческому.

Дьяки ничего, кроме указов или Бовы Королевича⁸⁵ не читали! Я согласен с вами, что если бы вдруг далась грамота всему народу, какие книги читать прикажете? Грамота действует над разумом, как пашня над землею, отверзает его познаниям, располагает к прозрению, но потребны семена чистые, не куколь,⁸⁶ не белена!

В старину авторов было мало; одни ученые писали, писали много, писали по латыни, писали скушно, и никто почти, кроме моли, их книгами не занимался. Недосуг было читать (л. 21) людям, которых все время посвящено было героическим или разбойничьим подвигам. Наскучило вечно нападать, вечно караулить. Подоспел порох, и телесная сила перестала уполномочивать грабежи и насилие. Земледелие воскресло и обогатило людей. Прихоти умножились, соделались необходимостями, и книги наконец также потребны стали, как чай, кофе, сахар и пр. Авторы начали писать или полезное, или забавное, но жили и умирали в бедности. Современники наши принялись за одно ремесло с поварами. Они возбуждают отупевший вкус, утомленное любопытство приправами, зельями, пряностями, которые над нами, как опий над азиатцами,

⁷⁹ Почти все чухонцы были лютеранами.

⁸⁰ Крылошане — церковный причт: чтецы, певчие, причетник, поющий на клиросе.

⁸¹ Полуустанов — почерк старинных греческих и славянорусских рукописей.

⁸² Кади — у мусульман духовное лицо, исполняющее роль светского судьи, решающего дела на основе законов корана и священных преданий.

⁸³ Муфтий — по своему образованию, нечто вроде министра права, лицо, принимающее решения по всем духовным и юридическим вопросам.

⁸⁴ Сибирское царство — старинное название Сибири. После многочисленных перемен в управлении в 1803 г. вновь было учреждено Сибирское генерал-губернаторство с предоставлением генерал-губернатору особых полномочий.

⁸⁵ «Бова Королевич» — популярная в народе сказка о добром рыцаре Бове Гвидоновиче; была распространена в лубочных изданиях.

⁸⁶ Куколь — сорная трава и семя в хлебе, плевел.

слабо действуют, но сильны отравить людей, телом и духом не ослабленных.

Возьмем одну из лутчих книг: неподражаемого Телемака.⁸⁷ Фенелон за доброе свое намерение единодушно внесен в небольшой список благодетелей рода человеческого. Но книга его учит более хорошо царствовать, нежели благополучно жить.⁸⁸ Законы Ментора в Царстве Идомея⁸⁹ имеют основанием бесстрашие монарха и подданных. Но прелику оно не в природе нашей, то и книга остается одною из прекраснейших небылиц, избретенных разумом человеческим — подвластные всегда наклонны строго судить о властях, а власти также не Боги, то зачем улещать нас мечтательным изображением несбыточного совершенства?

(л. 21 об.) Мармонтель, без равной с добродетельным Фенелоном обязанности, написал скушного Велисария,⁹⁰ а на него глядя, нашла на всех мудрецов блажь быть цареучителями; жаль только что упрямые ученики не слушают нахальных менторов, которых строгая философия из кошелька денег редко отрекалась быть придворною шутихою.

Щастлив ли будет народ наш, когда поверит знаменитейшим писателям истекшего века, что у русских душа в спине, что Петр Великой был только искусный плотник, что злейшие враги отцу дети, что нет на свете ни худа, ни добра, что добро все то, что любо, а худо все, что не любо, что вера не иное что, как нарядная игрушка, что все государи суть похитители, что рабы вправе душить господ и пр.⁹¹

⁸⁷ Речь идет о знаменитой утопии Франсуа де Солиньяка де Ла-Мот Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемака» (1699, первый русский перевод — в 1786 г.), написанной на сюжет, взятый из «Одиссеи», и являющейся, по существу, курсом политической педагогики для детей старшего возраста. «Телемак» вобрал в себя «Басни» и «Разговоры мертвых», написанные Фенелоном для своего воспитанника — внука Людовика XIV, герцога Бургундского, с нравоучительной целью, и представлял читателю картины идеального государства и общественного строя. В премухинской библиотеке был «Телемак» — издание первого перевода на русский язык. См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 37. В списке книг на русском языке это № 102. В другой описи (№ 36) под № 197 значатся «Разговоры мертвых» Фенелона.

⁸⁸ В письме к А. Н. Оленину было: «...книга его более учит божески царствовать нежели человечески жить» (л. 8).

⁸⁹ *Ментор* — друг Одиссея, которому он поручил воспитание своего сына Телемака. *Идомей* — внук Миноса, царь Крита, приведший под стены Трои могущественный критский флот из 80 кораблей. Попав вместе со своим воспитанником в царство Идомея, Ментор обучает последнего мудрому правлению (Книга XII).

⁹⁰ *Мармонтель Жан-Франсуа* (1729—1799) — французский писатель, иезуит, друг Вольтера, автор исторического романа «Велизарий» (1767), посвященного проблеме воспитания просвещенного монарха. Роман был задуман как «урок государю» и «катехизис царей». См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер // Заря. 1869. Март. С. 38. В премухинской библиотеке был «Велисарий». См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 38, список книг на русском языке.

⁹¹ В письме к А. Н. Оленину этот абзац выглядит следующим образом: «Щастлив ли будет народ наш, когда узнает, что у русских душа в спине (Montesquieu), что Петр Великий был только искусный плотник (Frederic II), что добро все то, что любо, а худо все то, что не любо (Bentham), что злейшие враги отцу дети (Helvetius), что вера не иное что, как фокус покус (Voltaire), что все государи суть похитители (J. J. Rousseau), что рабы имеют неоспоримое право душить господ своих (Raynal) и пр.» (л. 8 об.).

Философы и пустосвяты напрасно друг на друга нападают, не с равным ли усердием они безобразят истину и бредни свои выдают за ее именные указы? Беспрестанная колоть и раскаленное железо не равно ли ослепляют? Болезни и площадные врачи не равно ли умерщвляют? Прологи и Системы не равно ли сугубят невежество?

Русский народ догадлив, терпелив, добр, послушен, неутомим, (л. 22) а некогда, может быть, и просвещен был. Вероятно, что просвещение его угасать стало с того времени, как Судебник Царя Иоанна Васильевича не стал законом,⁹² но искры оно и теперь блещут. Довольно их осталось, чтоб засветить в отечестве греющий и одушевляющий пламенник, но поступать должно с крайнею осторожностью, чтобы не возжечь в соломенных наших крышах пожара. Не обинуясь, сказать можно, что ни малейшей бы опасности не было, если бы мы все помещики без изъятия согласились — не имуществом, не кровью, не благоденствием своим пожертвовать, — а просто быть человеколюбивыми. Разве мы бесчеловечны? — спросите вы. Отнюдь нет, но разница превеликая не быть бесчеловечным или быть человеколюбивым. Мы любезны в кругу наших знакомых, мы сострадательны и всегда готовы с душевною радостью помочь несчастливому, который у нас на глазах или на слухе, но чувствительность наша, наше человеколюбие слишком беглы и мало изыскательны. Мы не воображаем, чтоб в числе подвластных нам были несчастные, которые ближайшее право на помощь нашу имеют, потому что и мы все от них имеем, мы не вникаем в состояние наших поселян, почитаем себя добрыми господами, когда не угнетаем их, и участь их занимает нас несравненно менее веселого ужина или хорошей французской пьесы.

(л. 22 об.) Человеколюбие помещиков — да будет первым шагом к народному просвещению. Спасительно оно, когда наподобие солнечных лучей идет сверху к низу, погибельно, когда устремится снизу вверх, как пламя пожарное.

Народные училища Екатериною II-ю учрежденные,⁹³ меры, правительством ныне всеместно приемлемые, жертвования соревнующих им добрых граждан подают нам лестную надежду водворить все науки, все человеческие познания в нашем севере, но я смело скажу, что, пока благосостояние поселян будет нам казаться чуждым от нашего, все науки, все познания плода не принесут, — или и принесут — но не все плоды здоровья.

Entendami lui vuol, che m'entend'io,⁹⁴ — сказал какой-то италианец, а повторяет ваш покорный слуга.

⁹² Т. е. по мере закрепощения крестьян. См. об этом: *Агамаян Л. Г.* История России в изложении А. М. Бакунина // *Новый журнал.* 1997. № 2. С. 164—167.

⁹³ «Учреждением о губерниях» (1775) были образованы приказы общественного призрения, на которые было возложено «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ», которые должны были открываться не только в городах, но и в многолюдных селениях. В апреле 1786 г. повелено было открыть главные народные училища в 25 губерниях, а 5 августа 1786 г. был издан устав народных училищ, в основе которого было признание народного образования делом государственным.

⁹⁴ Кто хочет меня понять, тот поймет (*итал.*). Источник не установлен.

(Л. 23). Письмо второе.

Вы знаете, что я ни бельмеса в архитектуре не разумею, а хотите, чтоб я же придумал, как лутче расположить деревенскую постройку, и объяснил вам, что мне нравится и не нравится в обыкновенной. Не нравятся мне пожары, грязь, духота, темнота, копоть, дым, сверчки, тараканы и скот в одной избе с людьми, а сожигание всего семейства в одной избе, напротив того, мне нравится. Опасно было бы оно для нас при утонченных наших идравах, но полезно для поселян, следующих чистым внушениям природы. Работа поселян мало оставляет им гулящего времени, и утомление телесное избавляет их от искушений праздности. Иностранец, полагающий нравственность в лицевой благопристойности, подумает, что и распутство живет в той избе, где холостые и женатые, замужние и девицы вместе живут и в нескольких шагах друг от друга спят. Но иностранец наш, по общему обычаю иностранцев, в заключении своем ошибется. Надзор отца, матери и старших семейства над детьми, с малолетства под их глазами живущими, соблюдает нравственность состояния, в коем редко встречается невольное девичество или распутная холостыба. Двоесмысленное слово удобнее воспламенит сладострастие людей, растленных театральною чувствительностью или невольным целомудрием, нежели полное обнажение возбудит непристойную мысль в трудолюбивом поселянине, поелику пристойности каждого возраста в его звании не в противоречии с законами самой природы. Со временем, может (л. 23 об.) быть, когда мы просветим дворовых наших людей, а люди просветят поселян, сожигание целого семейства вкупе и будет опасным — а покамест не нравственность, но физика не любя мне в жилищах наших поселян. Она изображает и сугубит бедное их состояние. Если свет, опрятность и простор некоторых изоб на большой дороге доказывают довольство обитателей, то грязь, теснота и мрак свидетельствуют о нищенстве, и весьма справедливо приметил не помню кто-то ученый, что судить о благосостоянии народа можно по его жилищам.

Некто приятель мой и приятель ученый утверждает, что ничего не должно переменять в постройке и без изъятия во всех обычаях поселян. Приятель мой не совсем неправ, но не вовсе и прав. Воло[ко]вые окна хороши, скоро очищают воздух и сохраняют удобно теплоту в избе, но случилось при мне, что в избе без красного окна, а с одними волоковыми сгорели люди, оттого что выходу не было, кроме дверей, кои поломом охватило. Лучина, конечно, светлее горит, нежели сальная свеча, но часто и целые деревни светло горят от лучины. Пусть очищается воздух в черных избах дымом от всех гнилых паров, но я не вижу необходимости гнилых паров в жилище людском — итак, несносный (л. 24) дым с сквозным ветром во время топки и вечный от копоты на стенах траур остаются единственными выгодами черных изоб. Лапти и онучи зимою теплее сапогов, но зато осенью и весною сколько приключает болезней сырость, которую они как губки впивают. Кормление скота в избах, может быть, изрядное хозяйство, но если бы

клевы были теплые и просторные, не было бы нужды избу клевом делать. Подручно стряпать хозяйке в своей избе, но не знаю, здорово ли ей часто угорать от вдыхания пронзительных масляных и сальных испарений — и нужно ль, чтоб огромная печь без фундамента всю избу перекосила. Баня необходимо нужна русскому человеку, но ведь нужна для того, чтобы в ней вымыться, выпариться, а не для того, чтоб распространять прилипчивые болезни или деревни палить. Деревянный дом пусть здоровее каменного, но каменный фундамент здравости его не уменьшит, а дом соделает прочным.

Непрочность строения должна быть включена в число причин неуспешного земледелия. Мы вечно строим оттого, что непрочно строим. Если бы постройка наша прочнее была, то б и лесам и крестьянам нашим было легче. Прочная постройка не та, которая к невозвратному ущербу государства из мачтовых деревьев рубится — до крайности глупо свалить по обычаю на вереву⁹⁵ вековую сосну. Прочность зависит от выбору и приноровки материалов, от искусства работников, от надежной крыши, от твердого фундамента, а не от огромности или дороговизны. Дело не о дворцах, но опять лутче оставить поселян коптеть в черных (л. 24 об.) избах, нежели заключать их в сырые, студеные и угарные не избы, а тюрьмы, буде не гробницы, по примеру некоторых помещиков — скаредная экономия, где сберегают несколько рублей ценою здоровья человеческого.

Просторные и светлые избы по Петербургской дороге могли бы быть образцом нашей сельской постройки с наблюдением, чтоб стряпущая была отдельная, фундамент каменный, а крыша или из прочной и легкой черепицы, или, в недостатке оной, гонтовая.⁹⁶ Исчисление материалов, хозяйство в их приноровке, наружное и внутреннее расположение потребовали б дестей⁹⁷ к описанию, и не стало б моего терпения написать, а вашего прочесть. Тут должно соображаться с местными удобствами и возможностями. Повторим только, что плохая постройка весьма убыточна и что клев в несколько лет может ценою стать противу целого двора.

Поселяне, особливо палатные,⁹⁸ без помощи господ порядочно выстроиться не могут? Согласен. А господа часто сами помочь им не в силах? Не согласен. По большей части были бы в силах, если бы только хотели. Но как и чем? Теми же издержками или еще меньшими, нежели стоят им их псарни, голубятни, зверинцы, гнилые пруды, оранжереи, беседки, гульбищи, фонтаны, ежегодная починка служб и всего строения. Копейки, из прихотей или глупости ежегодно на сие расточаемые, в короткое время накопились (л. 25) бы рублями к делу полезному. Но прихоти сии, — скажут многие, — нас утешают, украшают наши дома, наши сады! Боже меня

⁹⁵ Веря — узкая лодка, служащая для перевозки пассажиров в гавани или через реку; использовались также как прогулочные шлюпки.

⁹⁶ Гонт — тонкие недлинные деревянные пластинки или дощечки для покрытия крыш.

⁹⁷ Десть — мера писчей бумаги, 24 листа.

⁹⁸ Палатные — т. е. ленивые.

храни, любезные соотичи, потребовать от вас дарового пожертвования. Исправя собственную вашу постройку так, чтоб сверху и снизу не гнила, расположа ее так, чтоб одна крыша и один фундамент заменяли три крыши и три фундамента, вы собственно себя одолжите. Исправя постройку поселян, вы не только им добро делаете, вы не только ваш сад украсите, но все селение, все окрестности сделаете садом несравненно лутчим всех бывших, настоящих и будущих французских, голландских, аглицких и китайских садов. Вы ошастливите ваших крестьян и, буде сего вам мало, упрочите чрез то самое существование любимых ваших игрушек, ибо, истребя делом мерзкую поговорку: кошке игрушки, а мышке слезки — вы вкупе истребите возможность той картинки, где мыши наконец кота погребают.

Строить крестьянам вашим каменные избы было бы безрассудно.⁹⁹ Их трудно приучить к необходимой в оных опрятности. Когда благосостояние развяжет их способности, тогда опрятность соделается для них необходимою — пока пусть живут по своему обычаю. Но не трудно и ничто не мешает предохранить целые селения от пожаров, от прилипчивых болезней лутчим расположением. Не трудно даже на сем расположении основать благосостояние поселян. Какая необходимость строить деревни улицами, какая польза в тесноте жилья, в удалении полей? Жить одним двором в поле было бы по суровости нашего климата невозможно, занесло бы снегом, съели бы волки. Но четыре двора, например, (л. 25 об.) уже сим опасностям не подвержены.

Квадрат 100 сажень содержит 4 десятины и 400 сажень (sic. — Л. А.). Полагаю 100 сажень постройки, 100 овинов, 200 саду и пр. — осталось бы полевой земли 4 десятины. Располагая участки, не о квадратности вида заботиться должно. 4-угольные двора могут быть деревенькою (sic!). Можно расположить двора один от другого в 50 саженьях улицею.

Тогда бы пресекалась удобность пожаров и прилипчивости болезней, менее было бы калек, люди в непогоду не ночевали бы взрослые и малые на поле, земля год от году бы добрела, всякое дело во время бы делалось, все семейство работало бы совокупными силами; ничто б не пропадало. Если ж и теперь хлеб к году родится изрядно, тогда ль не надеяться урожая? Четыре десятины удобренной и тщательно возделанной земли с лихвою заменят десятин десять плохой, отдаленной и никому не принадлежащей земли.

Легко ли расселить целую деревню? Крестьяне проклянут помещика. — Сомневаюсь. Крестьяне тогда проклинают помещиков, когда их, наподобие скота из места в место перегоня, лишают той последней тени собственности, которая участь их услаждала. Напротив того, видя, что помещик не своих выгод с их разорения хочет, а собственную их пользу выгадывает, не для того переселяет их, чтоб отобрав лутчие земли, (л. 26) себе присвоить, но для того,

⁹⁹ Следующий абзац отчеркнут карандашом на полях и имеет помету А. А. Корнилова: «Мысли о деревенском устройстве. NB».

чтоб каждому семейству дать неотъемлемую собственность,¹⁰⁰ они не проклинать, а благословлять его станут.

Убыточно! Но пожар — всегдашний конец деревень наших — еще убыточнее. Расселять должно исподволь — общими силами. Прихотливых дворов не строить, а на первый случай переносить постройку какова есть. Со временем, когда возрастут доходы помещика и поселян, тогда и постройку исправить совершенно. Тогда доброй господин, как добрый пчельник, будет новым роям заговлять новые ульи. Собственность, исподволь укореняясь, обнесет все участки живыми зелеными оградами, возрастит плодовые сады, умножит стада и не только скрасит лицо земли, но радостными чертами изобразится на лицах самих поселян. Тогда помещик с переходов своего терема будет, как Создатель, любоваться делом рук своих — что Кусково, что Останково в сравнении его сада?¹⁰¹

(Л. 26 об.). Письмо которое, не знаю.

О красноречии моей березы много говорить нечего. Я сам подзреваю, что какой-нибудь леший в нее засел и удостоил меня своего внимания. Но что растения в самом деле по-своему чувствуют, в том я крепко стою.

Бесчувственности ли припишем произвольные движения растений, когда не исключаем из числа чувствующих многих тварей, коих и жизненность едва приметна? Неподвижность бесчувственности не доказывает. Полипы, раковины рождаются, растут, живут и умирают на одном месте. Некоторые люди приросли к креслам. Но мы не вдруг решим — рассуждаем — полип, к камню приросший, шевелит только усами — но жив, но чувствует — ergo живут и чувствуют картежники, коих одни руки шевелятся.

Немость или молчаливость растений также ничего не доказывает. Рыбы безмолвствуют. Сколько животных немых? Не замечаем ли мы и в людях, что молчаливые сильнее говорунгов чувствуют?

Вижу, что растения имеют волю, склонности, ищут своего добра, избегают зла, умеют любить, обороняться, изъявлять печаль или удовольствие, то не в праве ли я не только живущими, но и чувствующими их полагать? Возражение, что мудрено сему поверить, не столь сильно, если рассудить, что равно мудрено и жизнь сообразить с бесчувственностью. Жить (л. 26 об.) и не чувствовать или не чувствовать, а жить не равно ли невозможно?

Склонности, приемы и навыки растений и животных стремятся к одному концу: сохранять жизнь и воскрешать себя в своем потомстве. Начнем с той страсти, в которой чувственность животных наиболее изъясняется, к которой есть им определенное время: с

¹⁰⁰ Одной из главных идей проекта Бакунина «Условие помещика с крестьянином» было закрепление за каждым крестьянским семейством своего участка, наделении крестьян достаточной неотъемлемой земельной собственностью.

¹⁰¹ На полях помета А. А. Корнилова карандашом: «Это и был вероятно зародыш той конституции, от которой взбунтовались премухинские крестьяне. NB».

любви. Растениям время цвета — время любви. Тайну сего разгласил сосед наш Л и н н е й,¹⁰² а природа скрывала ее от нас, опасаясь, чтоб мы не избрали образцами нашего целомудрия тех растений, в которых один муж многим женам, одна жена многим мужьям или вкуче мужья и жены без разбору сожительствуют. Сочетание рыб и растений почти одинаково. Икра оживотворяется молоками; цветной семенник цветною пылью. Чашечка цветная тогда надувается и цветок может назваться беременным. Иные так горячо любят, что сочетание их искрами сопровождается (*Nasturtium Indrium*).¹⁰³ Зефир прислужник тем растениям, где мужеск пол живет отдельно от женского. Недаром древние воспевали его проказы с флорою.¹⁰⁴ Если отдаление таково, что и зефир помочь не в силах, то уединенная красавица скучает, блекнет и неплодствует — разве встретится удобность к незаконному браку с мужем чуждого поколения, но как таковые союзы строго запрещены, то преступница родит в наказание пестрых, махровых и тому подобных уродцев, коими любуются садовники, не ведая, что в их воле, принявшись за ремесло зефира, их умножить.

Вы не из числа тех лакомцев, которые мечтают, что дерева затем только (л. 27 об.) приносят плоды, чтоб мы их всласть кушали. Как вымя животных наполняется молоком, так плоды наливаются соком для семян — и дети их в сих семенах найдут себе готовую пищу, как цыпленок в яйце. Словом, растения родят, питают и берегут детей своих, себя не жалея, и горячность их иногда стоит им жизни.

Животные ищут пищи, и растения также. Если бы удивительные обороты их корней на виду нашем были, мы б давно их в число животных вместили.

Животные имеют волю, и растения оной не лишены.

Стыдливая травка (*Sensitiva*)¹⁰⁵ от малейшего прикосновения судорожным движением зажимается. Мухоловка (*Muscipula*)¹⁰⁶ схватывает и умерщвляет дерзновенных насекомых, хотевших вкусить от скрытой в ее цветке сладости. Вы согласитесь, что и красавицы наши не все так строги. Адансонова¹⁰⁷ сенситива от одного к ней приближения опускает листы, как робкая девушка потупляет глаза; *Hedysarum Gyrans*¹⁰⁸ непрестанно движется и, как испуганное, становится неподвижным, если небрежно его тронешь. Виноградные

¹⁰² См. прим. 22.

¹⁰³ *Nasturtium Indrium* — *Nasturtium Sp.*, жеруха, растение семейства крестоцветных.

¹⁰⁴ Мифологический Зефир — сын Астрея и Эос. Его возлюбленная — Флора. Ср. у Н. А. Львова «Стихи для вокального исполнения»: «Уж любовью оживился // Обновлен весною, мир // И ко Флоре возвратился // Ветренный ее Зефир» (Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 51). См. также его «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...».

¹⁰⁵ *Sensitiva* — *Biofium* чувствительный.

¹⁰⁶ *Muscipula* — *Dionaea Muscipula* — Венерина мухоловка.

¹⁰⁷ Адансон Мишель (1727—1806) — знаменитый французский естествоиспытатель и путешественник, создавший свою систему классификации растений (*Familles des plantes*. Paris, 1763), не принятую в научном мире.

¹⁰⁸ *Hedysarum Gyrans* — копеечник *Sp.*, высокогорное растение.

листы (не всех пород) трепещут от близости раскаленного железа; *oxalis actovilla*¹⁰⁹ и другие грозы боятся. Листы всех растений более или менее движутся, и движения их произвольные, теплота ли им приятна — они расстилаются, стужа ли их беспокоит — отворачиваются, жмутся, опускаются. Нагнутая ветвь сама (л. 28) собою управляется. Лишена ли света — видимо его ищет, устремляет к нему свои ветви, ускоряет свой рост и спешит им насладиться, тогда бледный ее лист украшается яркою зеленью, цветы благоухают, завязываются, плоды вызревают. В темноте же лист бледнеет, цветы блекнут, плоды осыпаются, ветвь засыхает. Хмель ищет опоры, находит и обвивается. Коренья слабых по видимому растений опрокидывают иногда здания, раскалывают камни, чтоб достигнуть сокрытой в них или под ними пищи. Некоторые уподобляются хищным животным, невидимы почти в начале своем, вницают тонкими сосущими нитями во внутренность других деревьев, разрастаются, покрывают, и голенастый пеня, лишась собственной красоты, невольным кормителем становится чуждой ему зелени. Другие, скрываясь в недрах земли, злодействуют в мраке, впиваются в коренья — и здоровое дерево без видимой причины изнемогает, чахнет и умирает голодною смертью. Крапива жалит, как пчелы и другие насекомые, листья ее усеяны пузырьками и вооружены тонкими иглами, вбрызгивая сквозь игл хранимую в пузырьках гжучую влагу. Запах цветов произвольный — они не всегда и не равно пахнут, но властны в запахе своем, как птички в голосе. Соловьи, малиновки поют по ночам, *geranium triste*,¹¹⁰ *mirabilis longiflora*¹¹¹ только ночью благоухают. Ежевика, расстилаясь по земле, с места на место переходит, но и все растения, хотя, наподобие часовой стрелки, неподвижными нам кажутся, имеют свойственные им разнообразные движения. Описание всех признаков их чувственности было бы (л. 28 об.) бесконечное, анатомия их органов завела бы нас слишком далеко, скажем же только: все ученые согласны, что растения одарены способностью всасывать пищу свою всюю своею поверхностью, но насос не поднимает воды, буде не приложится к нему действующая живая сила — а сила, столь чудесно и произвольно действующая, как-нибудь по-своему должна чувствовать.

Много о сем толковали и, как боясь умножить число чувствующих тварей, старались объяснить все знаки жизненности растений феориею тяготения тел при содействии атмосферы, но буде волю дать ученым, они из нас сделают часы. Легкое будет пружина, заводимая дыханием; кровь — цепочкою, а все наши действия часовой стрелкою. Но воля их — приятнее делить время с живущими, нежели с мертвыми. А потому не только растения живут, но и чувствуют. И не только чувствуют растения, но и крепостные люди.

Признание сей старой истины, конечно, не новое, но временем важнейшие познания столь затмеваются, что возобновление их почти изобретением назваться может.¹¹² Весьма часто видим, что

¹⁰⁹ *Oxalis actovilla* — кислица обыкновенная.

¹¹⁰ *Geranium triste* — вид герани.

¹¹¹ *Mirabilis longiflora* — мирабилис длинноцветный.

¹¹² Возможно, намек на «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина.

добродушные и сострадательные люди с удивительным холоднокровием худо с своими людьми и поселянами поступают. Они грешат по неведению, (л. 29) и потому великую услугу оказать им можно, уверив их, что крепостные, несмотря на видимую между ими и нами разницу, одарены всеми человеческими чувствами, что ливрея, борода и серые кафтаны не препятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения и пр. Десятилетняя опытность в том меня удостоверила.¹¹³ Подробности доказательств оскорбили бы душу тех, кои никогда в чувствительности поселян не сомневались, не похищали детей у отцов, не торговали людьми и человечеством вообще не ругались — из уважения к сим, предоставим правительству уверить протчих в истине мною сказанного.

(Л. 31). Письмо второе.¹¹⁴

Порядок общего хозяйства нашего по мнению моему начался в России со времен татарских и литовских набегов.¹¹⁵ Тогда сегодня было для земледельца все, потому что завтра ему не принадлежало, он принужден был работать украдкою и как-нибудь, на скорую руку. Самая постройка долженствовала образовать его нищенство, потому что нищенство только могло его предохранить от конечной погибели. Обстоятельства переменялись, ордынцы и литовцы русскими и согражданами стали, а тот же порядок продолжается. Иной бы подумал, что мы, не имея собственности и работая в земле чуждой, стараемся как можно поскорее ее истощить и в оборотах наших ценим нонешнюю копейку, забывая будущий рубль. Земледелие наше — явная война с бедною землею, и со стороны простиительно бы о нас заключить, что мы, не жалея трудов и убытков, всеми мерами стараемся доказать невозможность успешного у нас земледелия и что, конечно, имеем тайные причины противиться его успехам, ибо много сеем, чтоб мало собрать; отвлекаем людей от земледелия, жалуясь на малолюдство; строя наши деревни, выгадываем все удобства для пожаров и пр.

(л. 31 об.) Если не климат, не бесплодие пошвы, не народные навыки виновны в плохом нашем хозяйстве, то по необходимости виноватые выйдем мы — помещики.

Прекрасный колмогорский скот и наш обыкновенный русский не равно ли доказывают — первой своею добротою, а другой своею худобою, что стужа, препятствующая в северной части Архангельской губернии выгодному хлебопашеству, не мешаает разводить добрый скот; что, когда здесь у нас случаются и богатые урожаи, то не климат причиною худобы нашего климата (sic!),¹¹⁶ а наше собственное нерадение. В бытность мою в Гатчине добрый француз уверил (не меня), что можно и в окрестностях Петербурга развесть

¹¹³ К моменту написания писем А. М. Бакунин занимался хозяйством уже более 14 лет.

¹¹⁴ Первоначально было: «которое не знаю». Зачеркнуто.

¹¹⁵ На полях помета карандашом: «О крестьянском хозяйстве. NB».

¹¹⁶ Описка. Следует читать: скота.

виноградные сады.¹¹⁷ Я получил приказание сажать выписные виноградные лозы. Тщетно <нрзб.> спорил я с моим французом, что буде необходимо хочет доморощенного вина в Петербурге, то выгоднее разводить крыжовник, нежели виноград. Он мне доказывал (а чего на словах доказывать не можно), что хотя по видимому короткость нашего лета воспрепятствует созрению винограда, но долгота дней вознаградит сию короткость, и что если вычислить, начиная с мая по сентябрь, сколько часов солнце светит у нас и сколько часов светит оно там, где виноград успешно растет, то выйдет на поверку, что наше лето доле, нежели надобно. Ergo и виноград созреть должен. Забыли мы с ним про утренники, про студеные ветры и пасмурные дни, и оттого только и была неудача. (л. 32) В конце апреля посадили мы несколько сот виноградных лоз. В мае хватило их морозом. Француз мой стал говорить, что можно найти средство предохранить лозы от случающейся у нас и летом стужи, не лишая их солнечных лучей, что на Рейне лозы весьма невысокие, а много плода приносят, и потому и здесь, на аршинных лозах то же быть может. В следствие сего остригли мы все наши лозы аршинным фрунтом и каждую лозу покрыли аршинною стеклянною клеткою, которую в светлые и солнечные дни снимали, а на ночь опять вместо колпака надевали. К счастью моему и камердинеров, которые к делу сему были приставлены, покойному Государю глупые клетки весьма не полюбились, и он приказал их побороть. Бедный француз с превеликим горем уверял меня, что если б клетки были оставлены, винограду бы у нас было множество. В его утешение, сохранил я несколько клеток в отдаленных местах — виноград не завязался. В сентябре убило его под клетками морозом, и француз немилосердо стал ругать климат: проклятые эти озера, — говорил он, — холодные от них росы и меня и виноград мой погубили. Равным образом если бы кто вздумал сеять в Коле¹¹⁸ пшеницу, не миновать бы клеток, а картофель, напротив, родился бы и в Коле и все лутчую бы дал пищу жителям, нежели деревянный хлеб, который многие там кушают.

Бесплодная пошва, негодная земля также более существуют в нашем воображении, нежели в природе. Если б не имели рук и рассудка, могущего управлять ими, (л. 32 об.) трудно бы бедной природе оправдаться пред нами, но если мы, имея и руки и рассудок, употребляем их наопоко, то она ли виновна? Она во всех делах своих имела в виду нашу пользу, но благонамеренность ее тщетно останется, пока мы не будем изыскивать средств приносить ее к нашим потребностям. Какая польза, — спросим ее, — в сих зыбелях, в сих непроходимых болотах, и она, присев на мшистую кочку, отвечает нам: болоты сии суть кладовые будущего вашего богатства. Они не для того созданы, чтобы гниучими парами заражать свои окрестности, но, когда по небрежности вашей не станет у вас дров, торф, заготовленный мною, выполнит всю меру

¹¹⁷ При Павле I дворцовые сады в Гатчине включали фруктовый сад с орangerями.

¹¹⁸ Кале — город и крепость во Франции у самого узкого места пролива Па-де-Кале.

прихотей богатого и удовлетворит нуждам бедного; когда вашим неразумием истощатся поля ваши и оскудеет трава к продовольствию скота вашего, назем, веками здесь накопленный, удобрит ваши луга и нивы. Приложите руки, и потекут из сих болот ручьи чистых вод. Поверхность их, ныне осокою, кочками и тростником поросшая, превратится в тучные пажити, и потомки ваши верить не станут, чтоб доходнейшие их земли были некогда непроходимыми зыбелями.

Зачем пески сыпучие, крутые скаты, бесплодные холмы? И природа, облокотясь на огромный пень, коего рука людей не могла, а время не успело еще истребить, с негодованием отвечает нам. Сии ветром носимые пески, обнаженные холмы, бесплодные скаты, изрытые глубокими водоточами, украшали страну вашу, когда увенчаны были лесами, кои (л. 33) всею поверхностью своею и прохладною тенью пили воздушную влагу и в недрах земли порождали иссякающие теперь ваши источники, укрощали стремленья бурь и нередко отвлекали от вас громовые удары, претворяя в тихий и благотворный дождь грозную тучу, готовую разродиться градом на полях ваших.

— Что в сих утесах, зачем сии овраги? И природа, увенчанная цветами, отвечает нам: превратите их в сады и в теплицы ваши. Солнце нагревает их, ветры не обуревают, они произрастят вам плоды и растения, вашему краю необычные.

По беспристрастном рассмотрении найдется ли что бесполезное в природном порядке? Мхи, покрывающие почти всю поверхность земель, прилежащих к Ледовитому морю, не питают ли бесчисленных оленьих стад? Астраханские степи не изобилуют ли солью? Бесплодная земля не та ли только, которою мы сообразно с природным ее назначением пользоваться не умеем или не хотим?

Народные навыки помехою нашему земледелию? Что нужды в том, что вместо швейцарского молока, немецкого пива наш крестьянин пьет русский квас или ест ржаной хлеб вместо французских сухарей, шотландского картофеля или ломбардской соломаги?¹¹⁹ Если добрый гражданин заботится о продовольствии народа, а не о цвете его пищи, (л. 33 об.) то для чего земледельцу заботиться о бороде или долгополом кафтане, а не о трудолюбии крестьянина. Обрить бороду не в его воле, а поощрить к трудолюбию совершенно от него зависит. Я десять лет живу в деревне и с сей стороны ни малейшего препятствия лутчему земледелию не вижу. Если б так было, скажете вы, то б и земледелие наше процветало. Мы друг друга не разумеем. Народные навыки, сказал я, не препятствуют, крестьяне наши не киргизцы и любят земледелие, но я не сказал, чтоб мы, помещики, о земледелии и земледельцах несколько по-киргизски не судили.

Чтоб удостовериться в сем, рассмотрим вкратце разные системы наших хозяйств. Я не знаю, как назвать, хозяйством или разбоем, например, то, коего вся цель из многих карманов переложить все в один. По несчастью, не совсем еще перевелись у нас хозяева, ко-

¹¹⁹ Соломага — жидкая мучная каша, едят с солью и маслом.

торые истари обходятся с крестьянами, как пауки с мухами: муха пищит, а паук тихомолком давит и, злобно усмехаясь, ругается над теми, кои, наподобие пчел, собственными трудами достают — не для себя — соты. Некоторые, следуя сей системе, обогатились, как в Москве во время чумы обогатились те, которые, на крюках людей из домов вытаскивая, властны были в добре выморочных домов. Но обогащение частного человека таковым (л. 34) порядком столь же государству полезно, как обогащение Ваньки Каина. Необходимость принудила меня упомянуть о сем роде хозяйства; натуралист, говоря о человеке, обязан упомянуть и о тех гадких насекомых, кои на теле человеческом живут и кровью его питаются.

Хозяйство многих помещиков и целых областей русских заключается в винокурении. Винокурение, неоспоримо, сильное пособие к размножению скота, следовательно, к удобрению земли, а потому и к богатому урожаю. Но если рассудить, что винокурение, обогащая помещиков, разоряет земледельцев и что размножение скота не заменяет в России убыли людей, то и винокурение, не во гнев господам лифляндцам, малороссиянам, белоруссиянам, литовцам и украинцам, поставщикам, откупщикам, целовальникам, шинкарям, поднощикам и подливальщикам, в число путных хозяйству принято быть не может, пока не образуется лутчим порядком. Лутчим же порядком я не только не разумею, чтоб из четверти более ведер вина высидеть, но чтоб хотя столько сберечь нравственности народной, сколько польза самого винокурения требует, ибо если люди слишком разлакомятся и вздумают когда-нибудь пить вино даром, то трезвым виносидцам пьяных питухов не уговорить, и тогда от винокурения прибыли никакой не (л. 34 об.) будет. Если б винокурение надлежащим образом сокращено было, тогда бы могло оно, конечно, быть и прочным государственным доходом и полезным пособием земледелию, но не земледелием однако же, а дело идет о земледелии, которое без всяких пьяных пособий может само собою вознаграждать труды человеческие. Беда наша, что мы всегда хотим золотых гор...

Того же хотят и те хозяева, кои мучатся и мучат, бьются и бьют, кои помощью сгонов и поголовщин отличаются большим не по числу людей и скота зесевом и весьма прилежно с крестьян своих собирают баранов, гусей, кур, яйца, ветчину, сало, масло, холст, тальки,¹²⁰ нитки, грибы и ягоды.

Того же хотят те, кои без опытности, без сведений, без соображений заводят фабрики, добрых земледельцев претворяют в буйных фабришных и коих хозяйство обыкновенно кончится банкротством крестьян и помещика. Но и фабрики разорительные, и ябеда обогащающая собственно к земледелию не принадлежат. Покупка седьмой части для присвоения остальных шести — изобретение, конечно, полезное для приобретения, а не для удобрения земель.

Того же хотят те, кои покупают семена многоплодных хлебов, угобжающие¹²¹ порошки и плодотворные примочки. Вы не забыли,

¹²⁰ Талька — моток ниток известной меры, снятый с ручного мотовила для крестьянской пряжи.

¹²¹ Угобжающие — обогащающие, оплодотворяющие.

я думаю, тех прежних молодцов, которые из любви к человечеству, а не к деньгам, брали с любопытных по двести рублей за научение их таинству удобрять целые поля малым количеством дешевого состава. Люди всегда с ума сходили на философском камне, и потому охотников было довольно. Когда сих не стало, то приезжие филантропы, сбавя цену до пяти рублей и променяв весь дурацкий свой состав на чистые денежки, возвратились воясяи, где, уповательно, прославляют наш разум и щедролубие. (л. 35) Неудача тех земледельцев, которые, веря всем книгам и всем рассказам, не запасшись кормом, вооружились на подложный корм и весь скот дома на стойлах поморили; которые, не рассудя, что хлеб нужнее картофеля, поля вдруг репою и картофелем засадили; которые, не выучась пахать плугами, бросили сохи; которые думают, что все дело сделали, когда землю известью напудрили или попачкали сажею, уверила протчих, что земледелие наше достигло уже до своего *pes plus ultra*,¹²² что те, которые чаят пользы от новизн, или обманываются или обманывают и что всего лучше держаться святой старины.

Если б камчадал, выписав из Петербурга заведенные часы, стал утверждать, что полдень, когда семь часов било, товарищи его имели бы право думать, что он перехватил мухоморов. Полезные обычаи чужих земель — те же часы и часто кажутся нелепыми, но поставь их по нашему меридиану, сообрази с нашим климатом, с нашими возможностями и потребностями, тогда польза их окажется по тому же правилу, по которому дважды два всегда и везде четыре.

Не так поступают те богачи, которые занимаются земледелием, как игрушкою, и ценят в нем свое только удовольствие, а не выгоды. Пример их более вреден, нежели полезен, и не примиряет с новизнами, но пуще от них отвращает. У вас, например, молотильня в тысячу рублей, а у меня всего достатку на тысячу рублей, — хозяйство ваше для меня ни мало не утешно. Какая мне польза в вашей живописи, когда у меня дом валится? Могу ли я сегодня и завтра и послезавтра терпеть голод в надежде будущего пресыщения? У вас хлеба не станет — вы купите, а я с семьею по миру пойду. Следовательно, не одно упрямство, не одна слепая привычка к дедовским обычаям, но благоразумное и справедливое опасение велит великому числу земледельцев держаться старой битой дороги, которая, как ни дурна, как ни беспокойна, ведет его к ночлегу, и не вверяться новым тропинкам, которые иногда заводят и в болотину.

Хозяйство оброчных деревень не требует трудов, не подвержено воздушным непогодам, но полезно ли оно земледелию? Нет. Вредно ли? Нет. Не полезно тем, что земледельца отвлекает от земледелия, а не вредно тем, что украшает тенью свободы земледельческое состояние. (л. 35 об.) В казенных деревнях то же, что и в оброчных, но можно надеяться, что указ о личном приобретении земель¹²³ воскрепит в них земледелие.

¹²² Совершенства (лат.).

¹²³ 12 декабря 1801 г. был опубликован именной высочайший указ «о свободе всем состояниям приобретать недвижимую собственность». См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26. № 20075.

На закуску я вам оставил тех хозяев, которые наблюдают пути природы, вникают в ее уставы, ищут причин по действиям, не отвергают ни отечественных обычаев, ни чуждых изобретений, но выевают хлеб из мякины, различают греству¹²⁴ от алмазов, медленно шествуют, но зато не спотыкаются, и хотя не скоро, но цели своей достигают. Прискорбно, что опыты и сведения их остаются тайною, оттого что скромные сии ученики природы боятся записаться в шайку шарлатанов земледелия и не разглашают своих опытов. Знаю, что частные опыты образцовыми для всех быть не могут, разве для малой округи. Портной, сколь ни искусен, не может по одной мерке на всех кроить одежду, хотя может случиться, что во множестве и по мерке кто-нибудь сыщется. Всего же прискорбнее, что число сих последних земледельцев весьма не (л. 36) велико, а [одна] ласточка, как говорится, лета не делает, медведь же и один много напакостит. Казалось бы, приятнее, согласясь быть ласточками, лето сделать — но о вкусах спорить не должно.

У меня так на языке зачесалось, что необходимым нахожу уже слишком длинное мое письмо кончить, уверяя вас в искренней дружбе вашего П[окорного] С[луги].

(Л. 36 об.). Письмо которое, не знаю.

Какую бы оказал услугу отечеству тот, кто, предпочитая пользу сочинения пустой авторской славе, написал бы земледельческий Катихизис, употребляя в нем слог, вразумительный простолюдинам, соображаясь даже с теми предрассудками, которые не чужды доброты национального характера, исподволь от вредных отвлекая ясными убеждениями, описывая все выгоды земледельческого звания и наставляя поселян в благоразумном, но незатейном хозяйстве. Нужно показать земледельцу путь, скорее ведущий к цели, нужно обеспечить его в безопасности сего пути, и тогда надеяться можно, что трудолюбивый народ наш с таким же успехом обработает целые поля, с каким ростовцы обрабатывают огороды.¹²⁵ Пример ростовцев здесь весьма кстати. Любопытно доброму человеку изыскать причину их трудолюбия и успехов. Не так-то мудрено найти ее, и для чего бы не приноровить к общей пользе земледелия.¹²⁶

Вы смеетесь! Земледельческий катихизис, карманная книжка для крестьян, да у нас, братец, крестьяне и грамоте не знают! Кто ж будет читать? Была бы книжка дельная и веселая, то читать охотники найдутся и безграмотным пересказывать станут.¹²⁷ Бедные помещики, нередко сами в полевых работах упражняясь, не могут покупать дорогих, не поймут ученых книг, и наша (л. 37) книжка будет им полезна. Мелкие поместья в соразмерности полезнее больших обществу, они более кормят людей и скота. Богатый, имея

¹²⁴ Грества — искусственные украшения.

¹²⁵ Ростовские огородники были известны по всей России. Недостаточность земельного надела, с одной стороны, и высокое качество чернозема вокруг Ростовского озера, с другой, стали причиной развития огородничества в Ростове.

¹²⁶ На полях пометка А. А. Корнилова: «Земледельческий катихизис. NB».

¹²⁷ Эти строчки отчеркнуты на полях.

довольство земли, не радит о ней — бедному всякий лоскут дорог. Богатый имеет более способов, но вверяет свое хозяйство прикащику — бедный не богат способами, но богат деятельностью, при которой малыми средствами многое исполняется, он сам прикащик, сам и работник, и каково намерение, таково же и исполнение. Ergo — книжка в пользу малоимущих нужнее, нежели для богатых, которые, размеря обыкновенно свои дарования аршином своего богатства, ни в чьих советах нужды не имеют.

Много, уже слишком много писано о земледелии, скажете вы, незачем прибавлять гадов в море великое и пространное. Правда, что много писано, но много ли экономических книг, которые бы не были надежным лекарством от бессонницы, которые бы ученостью кабинета не отзывались, как лежала мука затхлюю магазейна?¹²⁸ Много ли таких, в которых автор, позабыв важность свою, сделался сам семьянистым земледельцем, с детьми своими и соседями беседующим? Пишут о земледелии много, а польза та же, что ученой проповеди в деревне. Хороша книга, но бесполезна тому, кто понимает, и непонятна тому, кому нужна. Хороша проповедь в городе, где разнообразие пороков изострилось разумение людей, а не в деревне, где все вещи своим именем называются.

Я бы сам написал этот катихизис, но нет во мне искусства озолотить тусклые места земледельческого состояния¹²⁹ (а (л. 37 об.) их, по несчастью, много). Впутая по пристрастию физику, ботанику, и книга моя выйдет ученая проповедь. Вы бы, напротив, сказали поселянам только то, что нужно сказать людям, имеющим не остроумие, а разум, крепкое телосложение и свою только душу.

Из всех наших книг я предпочитаю Деревенское зеркало¹³⁰ и душевно благодарю за нее незнакомого мне автора, но жалею только, что недовольно он сам жил в деревне, чтобы не быть в нужде полагаться иногда на чужие рассказы — к тому же автор, как говорится, поступил политично — описал пороки и средства к исправлению поселян, а о господах помещиках вовсе позабыл. Не менее еще повторяю, что книгу его всем прочим предпочитаю, несмотря на валдайскую молодку, свекольный кофе и пр.¹³¹

---

¹²⁸ 29 ноября 1799 г. для решения проблемы народного продовольствия был издан указ о создании всюду запасных хлебных магазинов, куда каждая ревизская душа должна была вносить определенное количество ржи и ярового хлеба. См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 25. № 19.203.

¹²⁹ На полях значок карандашом — «NB».

¹³⁰ На полях помета А. А. Корнилова карандашом: «Деревенское зеркало. NB». Речь идет о сочинении в двух частях «Деревенское зеркало или Общенародная книга. Сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней и исполнять». Сочинение было прислано анонимным автором на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1796 г., и будучи признано наилучшей «общенародной книгой», напечатано в Петербурге в 1798—1799 гг. Убежденный приверженец земледелия, автор в беллетризованной — легкодоступной — форме дает советы помещикам и крестьянам, как сделать его наиболее доходным. Отдельные главки книги повествуют об опрятности и чистоте в избах, о посуде, пище, о пользе садов, о пользе употребления картофеля и т. п.

¹³¹ В одном из идиллических эпизодов книги путешествующий герой Велеслав Честанович посещает Валдай, где его встречают румяные и наряженные валдайские девки и молодницы, одна из которых потчует гостя картофельным, а не свекольным, кофесом и земляничным чаем.

Забавны мне те мудрецы, которые непременно требуют от земледельца химии, ботаники, метеорологии, механики и пр., хотят, чтобы он не пахал, не испытал и не взвесив химическим разложением сложных частей обрабатываемых земель, не сеял бы и не косил, не зная поимянно каждой травки и сколько в каждой цветке тычков и пестиков, денно и ночно пялил бы глаза на все воздушные явления и не смел бы без математических исчислений связать боны.

(Л. 38). Письмо, не знаю которое.

Я не имел ни малейшего намерения оскорбить ученых, написав, что нет нужды земледельцу быть профессором — да и почему бы не так, когда не все честные люди богословы, не все почтенные знатны! Впрочем, я не только науки люблю, а ученых боюсь, но и сам, будучи в чужих краях, удостоился получить золоченый пергамент из Туринской Королевской Академии Наук, в котором крупными латынскими буквами махнули мне VIRO CELEBERVIMO¹³² — за два общепользные сочинения, из коих в одном ино доказал я, что волосатики в самом деле не иное что, как волосатики, а в другом, что светящиеся жучки (*Lampyris Nortilnea*) просто светятся. Я еще помню, как я восхищался, когда червяков моих напечатали в ученом журнале, а волосатиков в Академических иностранных корреспондентов сочинения. Помню, как обольщаясь славой, наловил я множество пауков, мух и бабочек. Итак, по волосатикам, червякам, мухам, паукам и бабочкам будучи в побочном родстве с ученостью, признаю всех ученых — за благодетелей рода человеческого, ибо свой своему поневоле друг.

Что проку учить ребенка ходить истолкованием ему сложности законов, коими сопровождается малейшее движение руки его или ноги? Утешно ли ему знать, что паденье его есть неоспоримое доказательство силы равновесия, и заживет ли оттого (л. 38 об.) разбитый его нос? Не лучше ли, резвясь с ним, поставить его на ноги и потом уже толковать ему то, что он естественным внушением и сам наблюдает? Малы и велики, юны и стары, не все ли мы дети? Природная наша леность чем так преодолевается, как игрушками? Играя, мы устали не знаем. Какая же надобность с крайним трудом делать то, что шутя лучше делается? Вчера удалось мне быть с пожилою барынею, которая, по обычаю старых людей, любила рассказывать и хотела, чтоб ее слушали. Помню я, — говорила она, — как дела в старину делались. Знакомые были приятели, приятели были

¹³² VIRO CELEBERVIMO (лат.) — «Мужу прославленному». В 1789 г. А. М. Бакунин был признан действительным корреспондентом Туринской королевской Академии наук за сочинения в области естественной истории. В архиве Бакуниных сохранился диплом Туринской королевской Академии наук, выданный на имя «Viro Clarissimo (мужа светлейшего. — Л. А.) Alexandro Vacconi» 4 июня 1789 г. за достижения в естественной истории. См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 1.

лучше наших друзей. Съедутся к старику, он гостям рад, гости веселы, тут и посмеются, и по рюмочке выпьют, и дело разберут с лица и с изнанки. А вы нонче все важничаете, сидите в кабинетах, как совы в дуплах, а <нрзб.> на дела!

Добрая старушка ошибалась — я не поверю, чтобы рассудок наш умалился, а, может быть, несколько порастерялся во множестве наших познаний. Мы столь многому учились, что трудно нам что-нибудь узнать, а не знать всего стыдно, и хотя наши кабинеты не совы дупла, неволя велит любить ту таинственную темноту, которая заставляет людей догадываться о скрытых наших талантах.

Науки, конечно, способствуют успехам земледелия, но та беда, что никогда земледелец в университетах не учится. Их университет — опытность, учитель природа, и хотя с помощью сих не поравнялись еще мы с просвещеннейшими европейскими народами, но не вовсе чужды ученых познаний. Иноземцы твердят нам о нашем глубоком невежестве, и мы должны уступать им. Подлинно, сколь далеки еще мы от тонкости италийской, которая не только разум, но и голос человеческий успела самым невинным средством усовершенствовать; от промышленности французской, достигшей искусства варить мыло из покойников; от ращетливости голландской в истреблении пряных кореньев на чужих островах и чужих людей на своих островах; от политики аглинской в покорении восточной Индии голодом и так далее. Но со всем тем, и наши поселяне, хотя не учены, но некоторые понятия об науках имеют.

Ботаника, столь полезная, столь увеселительная наука, была бы в числе бесполезнейших пустословий, если бы вся цель оной была только разделение на классы, породы и роды, если бы познание сих не путеводило к познанию общих уставов природы, свойств растений и разных их пригодностей к удовлетворению наших нужд и прихотей. Иначе ботанист, вытвердя тысячи две греколатынских званий, был бы только ученый попугай. Не такова ботаника наших поселян, она научает их различать от ядовитых и вредных растения хлебные, лакомые, холщовые, пажитные, сенные, медовые, красительные, врачебные, строевые, дровяные, зольные, кожные и протчие. (л. 39 об.) Они знают, что все деревья и растения цветут, что от помели в цвету не бывает завязи или бывает череззерница, что древесный сок, густея, ложится слоями вокруг дерева, что слои сии неокрепые, или оболона,¹³³ в деле непрочны, что боровой лес крепче растущего на низинах, что семена перераживаются, осистая пшеница становится голою, черный овес белым, узнают по распускиванию одних растений время посеву других и пр.¹³⁴ Вы видели, что поселяне и в физиологии ботанической несколько сведущи. Нужно бы очистить их ботанику от разрыв-травы и подобных нелепостей, но какое человеческое сознание им не причастно? Растущее на острове Яве

¹³³ Оболона. оболонь — наружный, молодой слой дерева, прирост последнего года.

¹³⁴ На полях пометка А. А. Корнилова: «NB».

дерево богон-упас,¹³⁵ коего ядовитые пары, по свидетельству ученых, умерщвляют за несколько верст всякое животное, не стоит ли нашей разрыв-травы?

Медицина наших поселян многие простые средства с успехом в болезнях употребляет, например, кислое тесто от антонова огня,¹³⁶ росной ладан от падучей болезни, крепкую водку от костоедицы. Прежде, нежели знаменитый Шторк¹³⁷ испытал пользу некоторых ядовитых растений, старухи наши уже ими лечили — правда, что нередко они морят людей, но разве с искуснейшими врачами того же не случается? Если верить можно сомнамбулизму чудотворца Месмера,¹³⁸ для чего не верить заговорам, нашептыванию и ворожбе? Костоправы, не в обиду господам медикам, штаб-лекарям, лекарям и подлекарям, во всей России не из простолюдинов ли? Пришло мед пить у безграмотных бородачей, когда латынь не помогает.

(л. 40) Искусство наших поселян в химии доказывается плавлением железа из окалин. Все бабы хорошо хлеб пекут, а хорошее хлебопечение чуть не важнейшее ли из всех химических операций. По крайней мере вы согласитесь, что полезнее хлеба печь, нежели варить золото. Заметьте, что у протчих народов просвещенной Европы, кроме ремеслом пекарей, никто хлеба печь не умеет, так что случается с мукою голодным быть. Поселяне наши знают, что земля толокою¹³⁹ удобряется, знают, какое где удобрение прилично, что луговая земля, кроме удобрения, хлебнее пахотной, что посев некоторых растений землю добрит или истощает, что мороз ее сушит. Одним взглядом, прикосновением или обозрением дикорастущих трав они познают свойство разных полей — доброе, худое, сухое, мокрое, глинистое, пещаное, упадистое, рыхлое гораздо лутче и вернее, нежели химик, употребив несколько дней на весовое исчисление соляных, водяных, кремнистых, металлических, тяжелых, летучих, кислых и пресных частей золотника земли.

Математика наших поселян весьма любопытна. Глазомер — их циркуль, а сметливость — алгебра. Сими определяют они удобнейшее устройство земледельческих орудий, сими узнают отстояние и высоту отдаленных предметов, содержание площади непроходимого леса. Кто из нас не любовался мгновенно изобретаемыми во время нужды народом нашим средствами для совершения при крайнем недостатке орудий действий удивительных и почти невероятных? (л. 40 об.) Давно ли русский простолюдин умел отсечь от каменной горы и привезть в Петербург цельной блок гранита, а италианец-

---

¹³⁵ Богон-упас, или анчар (*Autiaris Lesch.*) — установленное ботаником Лешено родовое название древесных растений из семейства крапивных, все виды которых, особенно знаменитый анчар (*A. toxicaria Lesch.*), ядовиты.

¹³⁶ Антонов огонь — гангрена.

¹³⁷ Шторк — возможно, речь идет о немецком враче Яне Шторхе (1681—1751).

¹³⁸ Месмер (1733—1815) — автор теории так называемого «магнетизма», которая имела большой успех в обществе в конце XVIII в.

¹³⁹ Толока, или тук — перегной.

архитектор устроил из него трехштучный обелиск, для того что с цельным не умел справиться?¹⁴⁰

В метеорологии не худо бы господам профессорам идти в науку к поселянам. Они предузнают погоду не по аспектам, планетам, а по ближайшим предметам. Захождение и выходение солнца, тусклость или ясность неба, солнечных и лунных лучей, изобилие или недостаток росы, вид облаков и направление их, веяние ветров, навики животных и собственные ощущения — суть их баротермометры.

Мог бы я доказать, что поселяне сведущи в астрономии, ибо по солнцу и по звездам узнают, который час и в которой стороне какое селение и пр. Мог бы я пуститься в мифологию русскую, приметить, что крестьяне местами называют созвездие большой Медведицы — волосовию — и, припомнив Велеса, — пуститься в догадки и пр.¹⁴¹ Но я примечаю, что вы уже заснули. Итак, пользуясь секретарским правом, определяю, что если бы постарались вкупе собрать, привести в порядок и от прильнувшей пыли очистить все рассеянные в поселянах наших познания, то бы вышло на поверку, что не им у нас, а нам у них учиться должно.

(Л. 41). Отрывок письма, которого не знаю.

«Не осуждайте, милостивый государь, — говорил он, — прочих священников. Я также в семинарии учился, но жил у отца. Он сам был священник и меня к тому же званию назначил, усмотрев мою к оному склонность, а два брата у меня в купцах. Старик мой учил меня более прилепляться к кроткому разуму христианского учения, нежели к обрядам. Он твердил мне, что я обязан чтить обряды, хранить их, елико могу, да не буду в соблазн людям, а кротость и нравственность всем сердцем любить да буду им в назидание. Добрым наставлениям, а паче доброму примеру доброго отца обязан я настоящим и будущим, надеюсь, моим благополучием, — риторика, философия, богословие не спасли бы меня от распутства. Рано я задумал быть священником — а у нас истари обычай женить на дочке, внучке или родственнице умершего священника, чтоб его сироты не вовсе остались без призрения. Пошастливилось мне взять жену домохозяйственную, добрую, а не пьяную и глупую, как со многими из моей собратии случается. Архиерей наш был пастырь добрый, а потому дело обошлось и без ряски.¹⁴² Старик мой сказывал, что когда он ходил в Петербург посвящаться, то истощил все имущество и на возвратном пути принужден был подаянием добрых

¹⁴⁰ Речь идет об обелиске «Румянцева победам», воздвигнутом Винченцо Бренна в 1799 г. в Петербурге из трех блоков серого сердобольского гранита.

¹⁴¹ Велес — скотий бог русской мифологии. Отмечено также переплетение культа Велеса с почитанием медведя как хозяина животных, на что, по-видимому, и указывает Бакунин.

¹⁴² Судя по контексту, речь идет о взятке.

людей питаться. Детей у меня было только две дочери, из которых одну я выдал за купца, другую за доброго мещанина. Сватались и крылошане, и подъячие, но я ни тех, ни других не люблю. Мнится мне, что одна из главных причин недостатков нашего священства — (л. 41 об.) наследственное наше иерейство, подражание иудейскому левитству.¹⁴³ Не способности нас посвящают, а случай и приличность. Всегда ли сын удобен заступить отцовское место? Он бы мог быть заботливым купцом, искусным ремесленником, а должен быть не по склонности и не по разуму священником. Крайнее невежество редко не сопутствует крайней бедности, а вообще состояние наших крылосов весьма незавидное. Священник, у которого человек семь детей, как их устроит? Утешается ли, предвидя, что им необходимо быть или подъячими, или солдатами? Для чего же не купцами, не мещанами? — спросил я. Чтоб быть купцом, — отвечал он, улыбаясь, — потребен капитал, а неумущий мещанин также близок к солдатству. Безгрешный доход с прихожан невелик, а кто под предлогом богослужения поселян грабит, тот уже не достоин своего звания. Но скажите же, батюшка, — прервал я речь его, — есть ли возможность сделать попов наших священниками? С божьим благословением, — отвечал он, — все возможно. Полезно бы по правилам святых отец число приходов уменьшить, а приходы уравнивать, полагая, например, не менее 1000 душ в приход. Не было бы греха убавить и церковников. Богослужение совершаться может и без дьяконов, и без пономарей. Я слышал от преосвященного, что у нас более двадцати тысяч сельских приходов в России — посудите же, какое множество бедных церковников! Хорош был указ, — сказал я ему, смеючись, — обрабатывать крылосы¹⁴⁴ приходом. Так (л. 42) хорош, — отвечал он, — что крестьяне, которым и от законных помещиков иногда тяжело, возненавидели бы, наконец, и святую веру, а мы бы с кругу спились. Но от уравнивания приходов, — заметил я, — к стыду нашего благочестия, много церквей упразднится? А излишество их, — отвечал он, — истребляет благочестие. Недостойные священники — злейшие его враги. Их примером развращают раскольники народ как живым доказательством неправославия нашего. Если же набожным людям прискорбно будет опустение некоторых церквей, для чего бы по желанию их и на их содержание не определять к тем церквам иеромонахов, стариков, праздно в монастырях живущих. Вы, батюшка, видно, как похвальный сочинитель Церковного словаря,¹⁴⁵ не жалуете монастыри! — Извините меня, я почитаю

¹⁴³ Иерейство — священство. Левиты — особый класс священнослужителей в системе древнееврейского культа. К левитам принадлежали все потомки сына Иакова Левия, колено которого, давнее еврейскому народу Моисея, получило исключительное право на священнослужение.

¹⁴⁴ Клирос — место в православном храме, где во время богослужения помещается клир.

¹⁴⁵ Бакунин имеет в виду П. А. Алексеева, протоиерея московского Архангельского собора, члена Российской Академии наук, знаменитого автора «Церковного словаря, или истолкования речений словенских древних, также иноязычных, без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах» (М., 1773—

монастыри тихою пристанью тех, кои по недугам или по старости не в силах уже быть деятельными христианами, но тати и лицемеры суть те, кои не понесли трудов, а требуют уже успокоения. Я дивлюсь, что гражданские законы позволяют пострижение в тридцать лет,¹⁴⁶ и мню, что тяжкое прегрешение служить богу одною молитвою, когда могу служить ему, нося тяготу общественных обязанностей.

Зазвонили к вечерне. Хозяин мой встал и, поблагодаря меня за посещение, пошел в церковь. — В церкви никого нет, — говорил я. — Что за нужда, — откликнулся он. — Крестьяне пашут, они свой долг исполняют, я за них и за себя иду молиться, мой долг исполняя — сказано: друг друга тяготы носите.

Я размышлял, продолжая путь свой (л. 42 об.): но куды деть церковников? Выписывают же большим иждивением чужеземцев, селят на казенных землях, снабжают всем нужным, освобождают от податей?¹⁴⁷ Поселение наших природных колонистов менее бы стало и более бы пользы принесло. Они к климату привыкли. Выписные люди, растения, законы тогда только полезны, когда домощенных взять негде.

Теперь же хорошему священству у нас быть невозможно. Попович лет до восьми-деяти живет дома и привыкает, буде не к пьянству, то к пьяным. Отдают его в городскую школу, где учат его грамоте, грамматике и латыни, а выучится играть в бабки и по улицам без дела шататься. Лет двенадцати поступает в семинарию, живет на квартире, которую определяет не пристойность, а дешевизна. В семинарии набивают пустую голову латынью, язык изощряют к многословности, а нравственности учатся дома, где часто развратство и непотребство стена о стену с ним обитают. Вкупе успевает он в риторике, в философии, в богословии и в беспутстве, коего учителей имеет в сожителях, в соучениках, а часто и в наставниках. Наконец, отверзается ему путь к священству недаровым покровительством секретаря консистории¹⁴⁸ и одобрением, которое в ноги выкланял у прихожан, с условием жениться на поповне, которой в глаза не знает. Что ему до нравственности будущих чад своих? Он знает о богатстве или бедности своего прихода по трудности или удобности своего посвящения, ведает, что дворяне станут его называть батькою и, буде угодит, обходиться с ним, как с любимым холопом. Боже храни оскорбить по долгу пастырскому христианским напоминанием прихожанина-помещика — велят

1776. Ч. 1—3). П. А. Алексеев был ярим противником монашества, восставая против его преобладающего положения среди русского духовенства.

¹⁴⁶ Согласно «Прибавлению о правилах причта церковного и чина монашеского» (1722), автором которого был Ф. Прокопович, запрещалось принимать в монахи людей, моложе 30 лет.

¹⁴⁷ В «Условии помещика с крестьянином», Бакунин уже затрагивал тему привилегий иностранных колонистов, даваемых в ущерб российским крестьянам.

¹⁴⁸ Духовная консистория — с 1744 г. присутственное место при епархиальных архиереях, собиравшая сведения о претендентах на пост священника. Состояла из присутствия и канцелярии, находящейся под началом секретаря, который пользовался большим влиянием, чем любой член присутствия, т. к. утверждался Св.Синодом по представлению обер-прокурора.

бацьку лакеям вытолкать, да и бацька молчит, чувствуя свое недо-
стоинство. Прихожане рады, что у них поп (л. 43)¹⁴⁹ ... барин
вином поит, прихожане пивом, <...> — по праздникам, а на празд-
никах и [крестьяне] и дворяне пьют без памяти. Бацька <...>вает-
ся — хлеб год от году хуже родится, скот убывает, детей прибыва-
ет. Куда их деть, что с ними будет? И бацька с горя пьет на крес-
тинах, на похоронах, пьет на поминках и вкупе с латынью
остальной ум пропивает. Тогда уже служит не Богу, а вину и день-
гам, — за деньги венчает ребенка на взрослой. Без денег не причас-
тит больного, не примет покаяния грешника, не окрестит младенца.
Не схоронит умершего. Один ли пастырь сей даст Богу ответ? В
правых ли останутся те, кои дурными примерами, дурным воспи-
танием умертвили все его душевные способности, непристойным
обхождением научили его презирать свое звание? Крайняя бедность,
общее неуважение и лишение всех средств быть лутчим недостаточ-
ны ли будут к его оправданию?

---

¹⁴⁹ Оторван кусок листа.